

אשכולות
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

при поддержке

אבי אבי
חנה

GENESIS
Philanthropy Group

Совместно с Центром библеистики и иудаики

ЕВРЕЙ ПРИ ДВОРЕ ФАРАОНА

Материалы к курсу медленного чтения
Якова Эйделькинда и Дильшат Харман

Москва
февраль 2017 г.
проект «Эшколот»
www.eshkolot.ru

1. Мифы об Иосифе

1.1. Рождение Иосифа

³¹ וַיֵּרָא יְהוָה כִּי־שָׁנְאוּהָ לְאֵה וַיִּפְתַּח אֶת־רַחֲמָהּ וַרְחַל עֵקְרָה:

...

¹ וַתֵּרָא רָחֵל כִּי לֹא יִלְדָה לְיַעֲקֹב וַתִּקְנֶה רָחֵל בְּאֶחָתָהּ
וַתֹּאמֶר אֶל־יַעֲקֹב הִבֵּה־לִי בָנִים וְאִם־אֵין מִתָּה אָנֹכִי:

² וַיַּחֲרָאֶף יַעֲקֹב בְּרַחֵל וַיֹּאמֶר הֲתַחַת אֱלֹהִים אָנֹכִי אֲשֶׁר־מָנַע מִמֶּךָ פְּרִי־בֶטֶן:

³ וַתֹּאמֶר הִנֵּה אֲמַתִּי בִלְהָה בֹא אֵלַיָּה וְתִלְדַּל עַל־בְּרָכִי וְאִבְנָה גַם־אֲנֹכִי מִמֶּנָּה:

...

⁹ וַתֵּרָא לְאֵה כִּי עֲמֻדָה מַלְדֹת וַתִּקַּח אֶת־זֹלְפָה שַׁפְחָתָהּ וַתֵּתֶן אֹתָהּ לְיַעֲקֹב לְאִשָּׁה:

...

¹⁴ וַיִּלְדֶּה רָאוּבֵן בְּיַמֵּי קִצְי־רַחֲטִים וַיִּמְצָא דְּוִדָּאִים בְּשָׂדֵה וַיָּבֵא אֹתָם אֶל־לְאָה אִמּוֹ וַתֹּאמֶר
רָחֵל אֶל־לְאָה תִּנְיָנָא לִי מִדְּוִדָּאֵי בְנֵי־ךָ:

¹⁵ וַתֹּאמֶר לָהּ הֲמַעֲטָ קַחְתְּךָ אֶת־אִישִׁי וְלָקַחְתְּ גַם אֶת־דְּוִדָּאֵי בְנֵי וַתֹּאמֶר רָחֵל לָכֵן יִשְׁכַּב
עִמָּךְ הַלַּיְלָה תַּחַת דְּוִדָּאֵי בְנֵי־ךָ:

¹⁶ וַיָּבֵא יַעֲקֹב מִן־הַשָּׂדֶה בְּעֶרְבֹ וַתֵּצֵא לְאֵה לִקְרֹאתוֹ וַתֹּאמֶר אֵלַי תָּבוֹא כִּי שָׁכַר שְׂכָרְתִּיךָ
בְּדִוְדָּאֵי בְנֵי וַיִּשְׁכַּב עִמָּה בַּלַּיְלָה הַזֶּה:

...

²² וַיִּזְכֹּר אֱלֹהִים אֶת־רַחֵל וַיִּשְׁמַע אֱלֹהִים אֶת־רַחֲמָהּ:

²³ וַתֵּהַר וַתִּלְדֶּה בֶן וַתֹּאמֶר אֶסְף אֱלֹהִים אֶת־חַרְפְּתִי:

Яхве увидел, что Лия нелюбима, и открыл ее утробу. Рахиль же была бесплодной.

[Следует рассказ о рождении четырех старших сыновей Лии: Рувима, Симеона, Левиа и Иуды.]

Рахиль увидела, что не рождает Иакову ребенка, и стала завидовать сестре.

Она сказала Иакову:

– Дай мне детей! А не то я умру!

Иаков рассердился на Рахиль и сказал ей:

– Я что, Бог, который не дает тебе детей?

Она сказала:

– Вот моя рабыня Валла. Войди к ней, пусть она родит ребенка мне на колени, чтобы мне стать матерью через нее.

[Следует рассказ о рождении двух сыновей Валлы: Дана и Неффалима.]

Лия увидела, что перестала рожать, взяла свою рабыню Зелфу и дала ее Иакову в жены.

[Следует рассказ о рождении двух сыновей Зелфы: Гада и Асир.]

В пору жатвы пшеницы Рувим пошел в поле и нашел мандрагоры. Он принес их своей матери Лии. Рахиль сказала Лии:

– Поделись со мной мандрагорами, которые нашел твой сын.

Лия сказала:

– Мало тебе, что ты у меня мужа отняла? Ты еще хочешь получить мандрагоры, которые нашел мой сын?

Рахиль сказала:

– Тогда пусть эту ночь он будет спать с тобой, в обмен на мандрагоры твоего сына.

Вечером Иаков вернулся с поля. Лия вышла навстречу ему и сказала:

– Ко мне иди: я заплатила за тебя сестре мандрагорами, которые нашел мой сын!

В ту ночь Иаков спал с Лией.

[Следует рассказ о рождении младших сыновей Лии: Иссахараи Завулону.]

Бог вспомнил о Рахили, услышал ее Бог и открыл ее утробу. Она забеременела, родила сына и сказала: «Бог снял с меня позор».

(Быт 29:31, 30:1-3, 9, 14-16, 22-23)

1.2. Соперничество Иосифа с братьями

2 וְיֹסֵף בֶּן־שִׁבְעֵעָשָׂר שָׁנָה הָיָה רָעָה אֶת־אָחָיו בְּצֹאן וְהוּא נָעַר אֶת־בְּנֵי בְלָהָה וְאֶת־בְּנֵי זְלֶפְחָה נְשֵׂי אָבִיו וַיְבִיא יוֹסֵף אֶת־דִּבְתֵּם רָעָה אֶל־אָבִיָּהֶם:
3 וַיִּשְׂרָאֵל אֶהָב אֶת־יוֹסֵף מִכָּל־בָּנָיו כִּי־בֶן־זִקְנִים הוּא לוֹ וַעֲשָׂה לוֹ כְּתֻנֹת פָּסִים:
4 וַיִּרְאוּ אָחָיו כִּי־אֵתוֹ אֶהָב אָבִיָּהֶם מִכָּל־אָחָיו וַיִּשְׂנְאוּ אֹתוֹ וְלֹא יָכְלוּ דַבְּרוֹ לְשָׁלוֹם:
5 וַיַּחְלֵם יוֹסֵף חֲלוֹם וַיַּגִּד לְאָחָיו וַיֹּסְפוּ עוֹד שָׁנָא אֹתוֹ:
6 וַיֹּאמֶר אֲלֵיהֶם שְׁמַעוּ־נָא הַחֲלוֹם הַזֶּה אֲשֶׁר חָלַמְתִּי:
7 וְהִנֵּה אֲנִי חֲנוּן מְאֹלָמִים אֲלֵמִים בְּתוֹךְ הַשָּׂדֶה וְהִנֵּה קָמָה אֲלַמְתִּי וְגַם־נִצְבָה וְהִנֵּה חֲסִינָה אֲלַמְתִּיכֶם וְתִשְׁתַּחֲוִיתִי לְאֲלַמְתִּי:
8 וַיֹּאמְרוּ לוֹ אָחָיו הַמֶּלֶךְ תִּמְלֹךְ עָלֵינוּ אִם־מְשׁוֹל תִּמְשָׁל בָּנוּ וַיֹּסְפוּ עוֹד שָׁנָא אֹתוֹ עַל־חֲלֻמְתּוֹ וְעַל־דִּבְרָיו:
9 וַיַּחְלֵם עוֹד חֲלוֹם אֲחֵר וַיֹּסְפָר אֹתוֹ לְאָחָיו וַיֹּאמֶר הִנֵּה חָלַמְתִּי חֲלוֹם עוֹד וְהִנֵּה הַשָּׁמַשׁ וְהַיָּרֵחַ וְאֶת־עַשָׂר כּוֹכָבִים מִשְׁתַּחֲוִים לִי:
10 וַיֹּסְפָר אֶל־אָבִיו וְאֶל־אָחָיו וַיַּגִּיעַ־בוּ אָבִיו וַיֹּאמֶר לוֹ מֶה הַחֲלוֹם הַזֶּה אֲשֶׁר חָלַמְתָּ הַבּוֹא נְבוֹא אֲנִי וְאִמִּי וְאָחִיךָ לְהִשְׁתַּחֲוֹת לְךָ אֶרְצָה:
11 וַיִּקְנְאוּ־בוּ אָחָיו וְאָבִיו שָׁמַר אֶת־הַדְּבָר:

Иосиф, когда ему было семнадцать лет, пас овец вместе с братьями. Он был в подпасах у сыновей Валлы и Зелфы, жен его отца, – и сплетничал про них отцу. А Израиль любил Иосифа больше, чем всех прочих сыновей (Иосиф родился у него уже в старо-

сти). Он сделал Иосифу длинную рубаху. Братья видели, что отец любит его больше, чем их. Они так ненавидели Иосифа, что уже и слова доброго сказать ему не могли. Иосифу приснился сон. Он рассказал его братьям, и те возненавидели его еще сильнее. Он сказал им:

– Послушайте, что мне приснилось! Будто мы вяжем снопы в поле, и мой сноп стал прямо, а ваши снопы окружили его и поклонились ему!

Братья сказали ему:

– Так ты, значит, царствовать над нами собрался? Начальником быть над нами?

И возненавидели его еще больше – и за сны его, и за рассказы.

Иосифу снова приснился сон, и он рассказал его братьям:

– Мне еще приснилось, будто солнце, и луна, и одиннадцать звезд поклонились мне!

Он рассказал этот сон отцу и братьям. Отец отругал его:

– Что за сон такой тебе приснился? Что, мы все – и я, и твоя мать, и твои братья – придем и поклонимся тебе до земли?

Братья злились на Иосифа, но отец запомнил эту историю.

(Быт 37: 2-11)

1.3. Продажа в рабство

- ¹² וַיִּלְכוּ אָחִיו לְרַעוּת אֶת־צָאן אָבִיהֶם בְּשָׂכָם:
¹³ וַיֹּאמֶר יִשְׂרָאֵל אֶל־יוֹסֵף הֲלוֹא אֲחִידְּךָ רַעִים בְּשָׂכָם לָכֵה וְאֲשַׁלְּחֶךָ אֵלֵיהֶם וַיֹּאמֶר לוֹ הַגִּנִּי:
¹⁴ וַיֹּאמֶר לוֹ לֶךְ־נָא רֵאָה אֶת־שְׁלוֹם אֲחִידְּךָ וְאֶת־שְׁלוֹם הַצֹּאן וְהַשְּׂבִי דְבַר וַיִּשְׁלַחְהוּ מֵעֵמֶק
חֲבֹרֹן וַיָּבֹא שָׂכְמָה:
¹⁵ וַיִּמְצְאוּהוּ אִישׁ וְהִנֵּה תַעֲה בִשְׂדֵה וַיִּשְׁאַלְהוּ הָאִישׁ לֹאמֶר מַה־תִּבְקֶשׁ:
¹⁶ וַיֹּאמֶר אֶת־אֲחִי אָנֹכִי מִבְּקֶשׁ הַגִּידְה־נָּא לִּי אֵיפֹה הֵם רַעִים:
¹⁷ וַיֹּאמֶר הָאִישׁ נִסְעוּ מִזֶּה כִּי שָׁמַעְתִּי אֲמָרִים גְּלוּכָה דְתִינְיָה וַיֵּלֶךְ יוֹסֵף אַחֵר אָחִיו וַיִּמְצְאוּם בְּדַתָּן:
¹⁸ וַיִּרְאוּ אֹתוֹ מֵרַחֵק וּבְטָרִם יָקְרַב אֵלֵיהֶם וַיִּתְנַכְּלוּ אֹתוֹ לְהִמְתִּיחַ:
¹⁹ וַיֹּאמְרוּ אִישׁ אֶל־אָחִיו הִנֵּה בָעַל הַחֲלָמוֹת הֲלוֹה בָּא:
²⁰ וְעַתָּה לָכֵה וְנִהְרָגְהוּ וְנִשְׁלַכְהוּ בְּאֶחָד הַבְּרוֹת וְאֲמַרְנוּ תִּיהִי רַעַה אֲכַלְתָּהוּ וְנִרְאָה מַה־יְהִי חֲלֹמְתֵינוּ:
²¹ וַיִּשְׁמַע רְאוּבֵן וַיַּצְלֵהוּ מִיָּדָם וַיֹּאמֶר לֹא נִכְנְנוּ נַפְשׁ:
²² וַיֹּאמֶר אֲלֵהֶם רְאוּבֵן אֶל־תִּשְׁפְּכוּ־דָם הַשְּׂלִיכוּ אֹתוֹ אֶל־הַבּוֹר הַזֶּה אֲשֶׁר בְּמִדְבַר וַיֵּד אֶל־תִּשְׁלַחוּ־בּוֹ
לְמַעַן הַצִּיל אֹתוֹ מִיָּדָם לְהַשִּׁיבוֹ אֶל־אָבִיו:
²³ וַיְהִי כַּאֲשֶׁר־בָּא יוֹסֵף אֶל־אָחִיו וַיִּפְשְׁטוּ אֶת־יוֹסֵף אֶת־כְּתָנְתּוֹ אֶת־כְּתָנְתּוֹ הַפְּסִים אֲשֶׁר עָלָיו:
²⁴ וַיִּקְחֵהוּ וַיִּשְׁלַכְהוּ אֹתוֹ הַבְּרָה וְהַבּוֹר רַק אֵין בּוֹ מַיִם:
²⁵ וַיִּשְׁבּוּ לְאֶכְל־לֶחֶם וַיִּשְׂאוּ עֵינֵיהֶם וַיִּרְאוּ וְהִנֵּה אֶרְחַת יִשְׁמַעְאֵלִים בָּאָה מִגְּלַעַד וְגַמְלִיָּהִם נִשְׂאִים
נִכְאָת וּצְרִי וְלֹט הוֹלְכִים לְהוֹרִיד מִצְרַיִם:
²⁶ וַיֹּאמֶר יְהוָה אֶל־אָחִיו מַה־בָּצַע כִּי נִהְרַגְתִּי אֶת־אָחִינוּ וְכִסְיָנוּ אֶת־דָּמוֹ:
²⁷ לָכֵן וְנִמְכַרְנוּ לְיִשְׁמַעְאֵלִים וַיִּדְנּוּ אֶל־תְּהַיְבּוּ כִּי־אָחִינוּ בְּשָׂרְנוּ הוּא וַיִּשְׁמְעוּ אָחִיו:

ויעברו אנשים מדינים סחרים וימשכו ויעלו את יוסף מן הבור וימכרו את יוסף לישמעאלים²⁸
 בעשרים כסף וביאו את יוסף מצרימה:
 וישב ראובן אל הבור והנה אין יוסף בבור ויקרע את בגדיו:²⁹
 וישב אל אחיו ויאמר הילד איננו ואני אנה אני בא:³⁰
 ויקחו את כתנת יוסף וישחטו שער עזים ויטבלו את הכתנת בדם:³¹
 וישלחו את כתנת הפסים וביאו אל אביהם ויאמרו זאת מצאנו הכרנא הכתנת בגד הוא אם לא:³²
 וכירה ויאמר כתנת בני חיה רעה אכלתהו טרף טרף יוסף:³³
 ויקרע יעקב שמלתיו וישם שק במתניו ויתאבל על בנו ימים רבים:³⁴
 ויקמו כל בניו וכל בנותיו לנחמו וימאן להתנחם ויאמר כי ארד אל בני אבלי שאלה ויבך אתו אביו:³⁵
 והמדינים מכרו אתו אל מצרים לפוטיפר סרים פרעה שר הטבחים:³⁶

Как-то раз братья Иосифа ушли пасти отцовских овец в Шехеме. Израиль сказал Иосифу:

– Твои братья пасут скот в Шехеме. Давай я тебя к ним пошлю.

Иосиф ответил:

– Я готов.

Тот сказал:

– Сходи, посмотри, как дела у них и у скота. Вернешься и расскажешь мне.

Отец отправил Иосифа. Из Хевронской долины Иосиф пришел в Шехем.

Там, в поле, ему встретился какой-то человек. Он понял, что Иосиф заблудился. Он спросил:

– Что ты ищешь?

Иосиф сказал:

– Я ищу своих братьев. Скажи мне, где они пасут скот?

Тот сказал ему:

– Они отсюда ушли. Я слышал, как они говорили, что пойдут в Дотан.

Иосиф пошел за братьями – и нашел их в Дотане.

Они издали увидели его и, прежде чем он приблизился, стали строить планы, как его убить. Они сказали друг другу:

– Вот и наш сновидец идет! Давайте же убьем его, бросим в какую-нибудь яму и скажем, будто звери его съели. Тогда посмотрим, как сбудутся его сны!

Рувим это услышал и спас от них Иосифа. Он подумал: «Убивать его насмерть нам не следует».

Рувим сказал им:

– Не проливайте кровь. Бросьте его вон в ту яму, здесь, в пустыне, а руку на него не поднимайте. (На самом деле он хотел спасти Иосифа и вернуть его отцу.)

Как только Иосиф подошел к братьям, они сорвали с него длинную рубаху, схватили его и бросили в яму. Яма была пустая: воды в ней не было.

Они сели поесть. Вдруг они заметили, что со стороны Галаада приближается караван измаильтян: их верблюды везли в Египет благовонные смолы, бальзам и ладан. Иуда сказал:

– Какой нам прок убивать брата, а потом прятать его кровь? Давайте продадим его измаильтянам, а сами его не тронем. Ведь он нам родной брат.

Братья согласились.

Мимо проходили мидьянские купцы. Иосифа вытащили из ямы и продали измаильтянам за двадцать шекелей серебра, а те отвели его в Египет.

Рувим вернулся, подошел к яме, глядь – а Иосифа нет! Он разорвал свои одежды, вернулся к братьям и сказал:

– Мальчика нет! А я? Куда мне деваться теперь?

Они взяли рубаху Иосифа, зарезали козла и выпачкали рубаху в крови. Потом отнесли эту длинную рубаху отцу и сказали:

– Вот что мы нашли. Посмотри – это рубаха твоего сына?

Он узнал и сказал:

– Рубаха моего сына! Зверь загрыз его! Растерзали Иосифа!

Иаков разорвал свои одежды, обернул бедра вретischem и скорбел о сыне много дней подряд. Все сыновья и все дочери пытались утешить его, но Иаков не желал утешиться.

Он говорил:

– В скорби я сойду к сыну в Шеол.

И продолжал оплакивать Иосифа.

А мидьянитяне тем временем отвели Иосифа в Египет и продали Потифару, сановнику фараона, кравчему.

(Быт 37: 12-36)

1.4. Иосиф и жена Потифара

⁶ וַיַּעֲזֹב כָּל־אֲשֶׁר־לוֹ בְּיַד־יוֹסֵף וְלֹא־יָדַע אֶת־מְאוֹמָהּ כִּי אִם־הִלְחִם אֲשֶׁר־הוּא אוֹכַל וַיְהִי יוֹסֵף יָפֵה
תָּאֵר וַיִּפֶּה מְרָאָה:

⁷ וַיְהִי אַחֵר הַדְּבָרִים הָאֵלֶּה וַתִּשָּׂא אֲשֶׁת־אֲדֹנָיו אֶת־עַיְנֶיהָ אֶל־יוֹסֵף וַתֹּאמֶר שְׁכַבָּה עִמִּי:

⁸ וַיִּמְאֹן וַיֹּאמֶר אֶל־אֲשֶׁת אֲדֹנָיו הֵן אֲדֹנִי לֹא־יָדַע אֵתִי מִה־בַּיִת וְכָל אֲשֶׁר־יִשְׁלֹוּ נָתַן בְּיָדִי:

⁹ אֵינְנִי גְדוֹל בַּבַּיִת הַזֶּה מִמֶּנִּי וְלֹא־חָשַׁד מִמֶּנִּי מְאוֹמָהּ כִּי אִם־אוֹתָךְ בְּאִשֶׁר אֶת־אִשְׁתּוֹ וְאִיךָ אֲעֲשֶׂה
הַרְעָה הַגְּדֹלָה הַזֹּאת וַחַטָּאתִי לֹאלֹהִים:

¹⁰ וַיְהִי כַּדְּבָרָה אֶל־יוֹסֵף יוֹם יוֹם וְלֹא־שָׁמַע אֵלֶיהָ לְשֹׁכֵב אֶצְלָהּ לֵהוּיֹת עִמָּה:

¹¹ וַיְהִי כִּהְיוּם הַזֶּה וַיָּבֵא הַבַּיִתָּה לַעֲשׂוֹת מְלֹאכְתּוֹ וְאִין אִישׁ מֵאֲנָשֵׁי הַבַּיִת שָׁם בַּבַּיִת:

¹² וַתִּתְּפֹשֶׂהוּ בַּבְּגָדוֹ לֵאמֹר שְׁכַבָּה עִמִּי וַיַּעֲזֹב בְּגָדוֹ בְּיָדָהּ וַיֵּנֶס וַיֵּצֵא חֲפוּצָה:

¹³ וַיְהִי כִּרְאוּתָהּ כִּי־עֲזַב בְּגָדוֹ בְּיָדָהּ וַיֵּנֶס חֲפוּצָה:

14 וְתִקְרָא לְאִנְשֵׁי בֵיתָהּ וְתֹאמֶר לָהֶם לֵאמֹר רְאוּ הֵבִיא לָנוּ אִישׁ עֲבָדִי לְצַחֵק בְּנוּ בָּא אֵלַי לְשִׂבְבַּ עִמִּי
וְאִקְרָא בְּקוֹל גְּדוֹל:
15 וַיְהִי כִשְׁמֹעוֹ בְּהִרְמִימֵי קוֹלִי וְאִקְרָא וַיַּעֲזֹב בְּגָדוֹ אֲצִלִּי וַיָּנֶס וַיֵּצֵא הַחוּצָה:
16 וַתִּנָּח בְּגָדוֹ אֲצִלָּהּ עַד-בּוֹא אֲדֹנָיו אֶל-בֵּיתוֹ:
17 וַתְּדַבֵּר אֵלָיו כְּדַבְרֵים הָאֵלֶּה לֵאמֹר בָּא-אֵלַי הָעֶבֶד הָעֲבָרִי אֲשֶׁר-הִבֵּאתָ לָנוּ לְצַחֵק בִּי:
18 וַיְהִי כִהְרִימֵי קוֹלִי וְאִקְרָא וַיַּעֲזֹב בְּגָדוֹ אֲצִלִּי וַיָּנֶס הַחוּצָה:
19 וַיְהִי כִשְׁמֹעַ אֲדֹנָיו אֶת-דְּבָרַי אֲשֶׁתּוֹ אֲשֶׁר דְּבָרָה אֵלָיו לֵאמֹר כְּדַבְרֵים הָאֵלֶּה עָשָׂה לִי עֲבָדְךָ וַיַּחַר אַפּוֹ:
20 וַיִּקַּח אֲדֹנָי יוֹסֵף אֹתוֹ וַיִּתְּנֵהוּ אֶל-בֵּית הַסֵּהֶר מְקוֹם אֲשֶׁר- (אֲסוּרִי) [אֲסוּרִי] הַמְּלֶכֶת אֲסוּרִים וַיְהִי-
שָׁם בְּבֵית הַסֵּהֶר:

Он передал все, чем владел, в распоряжение Иосифа, а сам, полагаясь на него, ни о чем не заботился – разве только о том, чтобы поесть.

Иосиф был красив и лицом, и станом. Жена господина обратила на него свои взоры и сказала:

– Ложись со мной.

Но Иосиф отказался. Он сказал жене своего господина:

– Мой господин, полагаясь на меня, ни о чем в доме не заботится. Все, чем он владеет, он отдал в мое распоряжение. У него не больше власти в доме, чем у меня. Он все разделил со мной – и только тебя оставил себе, поскольку ты его жена. Как же могу я сделать такое большое зло? Это будет грех перед Богом.

День за днем она его уговаривала, но Иосиф не соглашался лечь с нею, быть с нею. И вот однажды Иосиф вошел в дом по какому-то делу, а никого из домашних не было дома, и она схватила его за одежду и опять сказала:

– Ложись со мной.

Тогда он оставил свою одежду у нее в руках и бросился прочь из дома. Она увидела, что он оставил одежду у нее в руках, а сам убежал прочь, позвала слуг и сказала:

– Подумайте только, привели сюда этого еврея, чтоб он надругался над нами! Он вошел ко мне, чтобы лечь со мной. Я закричала. Он услышал, что я громко кричу, оставил возле меня свою одежду, а сам бросился прочь из дома.

Она держала одежду Иосифа при себе, пока не вернулся муж, и повторила мужу то же самое:

– Вошел ко мне этот раб-еврей – ты привел его сюда, чтоб он надругался надо мной! Я громко закричала, и он оставил возле меня свою одежду, а сам убежал прочь.

Услышав рассказ жены («вот, мол, что твой раб со мной сделал»), господин Иосифа пришел в ярость. Господин схватил Иосифа и бросил в тюрьму – туда, где содержались узники царя. Так Иосиф оказался в тюрьме.

(Быт 39: 6-20)

2. Мифы о Моисее

2.1. Египетское рабство

6 וַיָּמָת יוֹסֵף וְכָל-אָחָיו וְכָל הַדּוֹר הַהוּא:
 7 וּבְנֵי יִשְׂרָאֵל פָּרוּ וַיִּשְׂרְצוּ וַיִּרְבּוּ וַיַּעֲצְמוּ בְּמֵאֵד מְאֹד וַתִּמְלֵא הָאָרֶץ אֹתָם:
 8 וַיִּקֶּם מֶלֶךְ-חָדָשׁ עַל-מִצְרַיִם אֲשֶׁר לֹא-יָדַע אֶת-יוֹסֵף:
 9 וַיֹּאמֶר אֶל-עַמּוֹ הַזֶּה עִם בְּנֵי יִשְׂרָאֵל רַב וְעָצוּם מִמֶּנּוּ:
 10 הֲבֵה נִתְחַכְמָה לּוֹ פְּנֵי-יְרֵבָה וְהִיָּה כִּי-תִקְרָאנָה מִלְחָמָה וְנוֹסֵף גַּם-הוּא עַל-שְׂנְאֵינוּ וְנִלְחַם-בָּנוּ וְעָלָה מִן-הָאָרֶץ:
 11 וַיִּשְׁמְעוּ עָלָיו שְׂרֵי מִסִּים לְמַעַן עֲנֹתוּ בְּסִבְלָתָם וַיִּבְּנוּ עָרֵי מִסְכְּנוֹת לַפְּרֹעֹה אֶת-פִּתּוֹם וְאֶת-רַעַמְסֵס:
 12 וְכַאֲשֶׁר יַעֲנֵנו אִתּוֹ כֵּן יִרְבֶּה וְכֵן יִפְרֹץ וַיִּקְצֹו מִפְּנֵי בְּנֵי יִשְׂרָאֵל:
 13 וַיַּעֲבְדוּ מִצְרַיִם אֶת-בְּנֵי יִשְׂרָאֵל בַּפְּרֶדֶךְ:
 14 וַיִּמְרְרוּ אֶת-חַיֵּיהֶם בַּעֲבֹדָה קָשָׁה בְּחֹמֶר וּבַלְבָּיִים וּבְכָל-עֲבֹדָה בַּשָּׂדֶה אֶת כָּל-עֲבֹדָתָם אֲשֶׁר-עָבְדוּ בָּהֶם בַּפְּרֶדֶךְ:

Иосиф умер, умерли его братья и все их поколение. А израильтяне плодились и умножались, их становилось все больше, они делались сильнее и сильнее; они заполнили всю страну. На престол Египта взошел новый царь, который не знал Иосифа. Он сказал своему народу:

– Смотрите, израильский народ стал многочисленнее и сильнее нас. Давайте придумаем какую-то хитрость против него, чтобы он не умножался. А то, если будет война, он соединится с нашими врагами, будет сражаться против нас, а потом уйдет из нашей страны.

Тогда назначили чиновников, чтобы угнетать народ тяжелыми принудительными работами. Так израильтяне выстроили для фараона два города со складами – Питом и Раамсес. Но чем больше угнетали их, тем быстрее они умножались, тем больше их становилось. В страхе перед ними египтяне стали без всякой жалости принуждать их к работам. Тяжкой работой они отравляли им жизнь: заставляли месить глину, делать кирпичи, трудиться в поле – их принуждали к этим работам без всякой жалости.

(Исх 1: 6-14)

2.2. Избиение младенцев

15 וַיֹּאמֶר מֶלֶךְ מִצְרַיִם לְמַלְאָכָיו אֲשֶׁר שָׂם הָאֱחָת שִׁפְרָה וְשֵׁם הַשְּׂוֹת פּוּטָה:
 16 וַיֹּאמֶר בְּלִדְכֶן אֶת-הָעִבְרִיּוֹת וּרְאִיתֶן עֲלֵיהֶן אֲסִיבֵן הוּא וְהַמֶּתֶן אִתּוֹ וְאִם-בַּת הִיא וְחַיָּה:
 17 וְתִירָאן הַמַּלְאָכִים אֶת-הָאֱלֹהִים וְלֹא עָשׂוּ כַאֲשֶׁר דִּבֶּר אֲלֵיהֶן מֶלֶךְ מִצְרַיִם וַתַּחֲיֶינָן אֶת-הַיְלָדִים:
 18 וַיִּקְרָא מֶלֶךְ-מִצְרַיִם לְמַלְאָכָיו וַיֹּאמֶר לָהֶן מַדּוּעַ עֲשִׂיתֶן הַדָּבָר הַזֶּה וַתַּחֲיֶינָן אֶת-הַיְלָדִים:

וַתֹּאמֶר הַמִּלְדֹּת אֶל־פַּרְעֹה כִּי לֹא כְנָשִׁים הַמִּצְרַיִת הָעִבְרִיִּית כִּי־חַיִּוֹת הֵנָּה בְּטָרִם תְּבוֹא אֱלֹהִים
הַמִּלְדֹּת וְיִלְדוּ:

וַיִּטֵּב אֱלֹהִים לַמִּלְדֹּת וַיַּרְבּ הָעָם וַיַּעֲצֻמוּ מְאֹד:

וַיְהִי כִּי־רָאוּ הַמִּלְדֹּת אֶת־הָאֱלֹהִים וַיַּעַשׂ לָהֶם בְּתִים:

וַיִּצְוּ פַּרְעֹה לְכָל־עַמּוּ לֵאמֹר כָּל־הַבֶּן הַיְלֹוֹד הַיְאֻרָה תְּשַׁלְּיָהוּ וְכָל־הַבַּת תַּחֲיֶינָה:

Египетский царь сказал еврейским повитухам (одну звали Шифра, а другую – Пуа):

– Когда будете принимать роды у евреек, смотрите, кто родится. Если мальчик – убивайте, а если девочка – пусть живет.

Но повитухи боялись Бога и не делали так, как сказал им царь Египта: оставляли мальчиков в живых. Царь вызвал их к себе и сказал:

– Почему вы так поступаете? Почему оставляете мальчиков в живых?

Повитухи сказали фараону:

– С еврейками все не так, как с египтянками. Они успевают родить еще раньше, чем повитуха придет.

Бог воздал повитухам добром. Народ израильтян становился все многочисленнее и сильнее. За то, что повитухи боялись Бога, он даровал им потомство.

И тогда фараон повелел всему своему народу:

– Всех новорожденных мальчиков бросайте в Нил, а девочек оставляйте в живых.

(Исх 1: 15-22)

2.2а. Из мидрашей

ויצו פרעה לכל עמו – אמר רבי יוסי בר רבי חנינא: אף על עמו גזר. ולמה עשה כן? שהיו אסטרוֹלוֹגִין אומרים לו: גואל ישראל, נתעברה ממנו אמו, ואין אנו יודעין אם ישראל הוא או מצרי הוא? באותה שעה כנס פרעה כל המצרים, ואמר להם: השאלו לי את בניכם תשעה חדשים, שאשליכם ליאור, הדא הוא דכתיב: כל הבן הילוד היאורה וגו', כל הבן של ישראל אין כתיב כאן, אלא כל הבן, בין יהודי בין מצרי.

«И тогда фараон повелел всему своему народу». Рабби Йосе, сын рабби Ханины, сказал: он принял меры даже против своего собственного народа. Почему он так сделал? Потому что астрологи говорили ему: «Мать избавителя Израила уже носит его во чреве, но мы не знаем, израильтянин он или египтянин». Фараон немедленно собрал всех египтян и сказал им: «Отдавайте мне ваших детей в течение девяти месяцев, чтобы я бросил их в Нил». Поэтому написано: «Всех новорожденных мальчиков бросайте в Нил». Тут написано не «всех мальчиков-израильтян», а «всех мальчиков», будь то еврей или египтянин.

(Шемот Рабба 1.18)

2.26. Из пересказа мифа в Деяниях апостолов

Этот царь жестоко притеснял наш народ и коварно обрекал наших отцов на гибель, принуждая их выбрасывать своих младенцев.

(Деян 7:19)

2.3. Рождение Моисея

2:1 וַיֵּלֶד אִישׁ מִבֵּית לְוִי וַיִּקָּח אֶת־בֵּת־לוֹי:

2 וַתֵּהָר האִשָּׁה וַתֵּלֶד בֶּן וַתֵּרָא אָתּוּ כִּי־טוֹב הוּא וַתַּצְפִּנְהוּ שְׁלֵשָׁה יָרְחִים:

3 וְלֹא־יָכְלָה עוֹד הַצְּפִינָה וַתִּקְחֶלֶד בַּחֲמֹר וַתִּמְרָה בַּחֲמֹר וַתִּשֶׂם בָּהּ אֶת־הַיֶּלֶד וַתִּשֶׂם בְּסוּף עַל־שֵׁפֶת הַיָּאֵר:

4 וַתִּתְצַב אַחֲרָיו מֵרַחֵק לְדַעַה מַה־יַּעֲשֶׂה לוֹ:

5 וַתֵּרָד בַּת־פַּרְעֹה לְרַחֵץ עַל־הַיָּאֵר וַנִּעְרָתֶיהָ הִלְכַת עַל־יַד הַיָּאֵר וַתֵּרָא אֶת־הַתֵּבָה בַּתּוֹךְ הַסּוּף וַתִּשְׁלַח אֶת־אִמָּתָהּ וַתִּקְחָהּ:

6 וַתִּפְתַּח וַתֵּרָאֶהוּ אֶת־הַיֶּלֶד וְהִנֵּה־נֶעַר בִּבְנָהּ וַתַּחֲמֵל עָלָיו וַתֹּאמֶר מִלְּדֵי הָעִבְרִים זֶה:

7 וַתֹּאמֶר אַחֲרָיו אֶל־בַּת־פַּרְעֹה הַאֵלֶּף וַקְּרָאתִי לָךְ אִשָּׁה מִיִּנְקַת מִן הָעִבְרִית וַתִּיַּנֵּק לָךְ אֶת־הַיֶּלֶד:

8 וַתֹּאמֶר־לָהּ בַּת־פַּרְעֹה לְכִי וְתֵלְדִי הַעֲלֵמָה וַתִּקְרָא אֶת־אִם הַיֶּלֶד:

9 וַתֹּאמֶר לָהּ בַּת־פַּרְעֹה הֲיִלְכִי אֶת־הַיֶּלֶד הַזֶּה וְהִינִקְהוּ לִי וְאֲנִי אֶתֵּן אֶת־שְׂכָרְךָ וַתִּקַּח הָאִשָּׁה הַיֶּלֶד וַתִּנְיָקָהוּ:

10 וַיִּגְדַּל הַיֶּלֶד וַתִּבְאֶהוּ לְבַת־פַּרְעֹה וַיְהִי־לָהּ לְבָן וַתִּקְרָא שְׁמוֹ מֹשֶׁה וַתֹּאמֶר כִּי מִן־הַמַּיִם מִשִּׁיתָהוּ:

Один человек из рода Левия пошел и взял себе в жены дочь Левия. Женщина забеременела и родила сына. Она увидела, как он хорош, и три месяца прятала его. Дольше прятать его она не могла. Тогда она взяла ящик из папируса, обмазала его асфальтовой смолой, положила туда младенца и оставила у берега Нила, в тростнике. Его сестра стояла поодаль и смотрела, что будет дальше.

Дочь фараона пришла к Нилу мыться. Ее служанки ходили по берегу Нила. Дочь фараона заметила ящик в зарослях тростника, велела рабыне принести его, открыла и увидела младенца. Мальчик плакал, и ей стало жаль его. Она подумала:

– Это еврейский ребенок.

Его сестра сказала дочери фараона:

– Может, сходить позвать кормилицу-еврейку, чтобы она выкормила для тебя этого младенца?

Дочь фараона сказала:

– Сходи.

Девочка пошла и привела мать ребенка. Дочь фараона сказала ей:

– Возьми этого ребенка и выкорми для меня. Я тебе заплачу.

Женщина взяла младенца и выкормила его, а когда он подрос, привела его к дочери фараона. Та усыновила мальчика и дала ему имя Моисей, сказав: «Ведь я вынула его из воды».

(Исх 2:1-10)

וַיִּקַּח עַמְרָם אֶת־יְוֹכָבֵד דָּדָתוֹ לֵאמֹר וַתֵּלֶד לּוֹ אֶת־אַהֲרֹן וְאֶת־מֹשֶׁה

Амрам взял в жены Иохевед, свою тетку. Она родила ему сыновей: Аарона и Моисея.

(Исх 6:20)

2.4. Убийство и бегство

וַיְהִי בַיָּמִים הָהֵם וַיִּגְדַּל מֹשֶׁה וַיֵּצֵא אֶל־אֶחָיו וַיֵּרָא בְּסַבְלֹתָם וַיֵּרָא אִישׁ מִצְרִי מַכֶּה
אִישׁ־עֲבָרִי מֵאֶחָיו:

וַיִּפֶן כֹּה וְכֹה וַיֵּרָא כִּי אִין אִישׁ וַיִּד אֶת־הַמִּצְרִי וַיִּטְמְנֵהוּ בַחֹל:

וַיֵּצֵא בַיּוֹם הַשֵּׁנִי וְהִנֵּה שְׁנֵי־אֲנָשִׁים עֹבְרִים נֹצִים וַיֵּאמֶר לָרֶשַׁע לָמָּה תִּכֶּה רֵעִיד:

וַיֵּאמֶר מִי שְׁמִי לְאִישׁ שֶׁר וְשִׁפְט עָלֵינוּ הַלְהַרְגֵנִי אַתָּה אָמַר כַּאֲשֶׁר הָרַגְתָּ אֶת־הַמִּצְרִי
וַיֵּרָא מֹשֶׁה וַיֵּאמֶר אָכֵן נֹדַע הַדָּבָר:

וַיִּשְׁמַע פְּרֻעָה אֶת־הַדָּבָר הַזֶּה וַיִּבְקֶשׂ לַהֲרֹג אֶת־מֹשֶׁה וַיִּבְרַח מֹשֶׁה מִפְּנֵי פְרֻעָה

Шло время. Моисей вырос. Он вышел к своим соплеменникам и увидел их тяжкий труд. Он увидел, как египтянин бьет еврея, одного из его соплеменников. Оглянулся Моисей по сторонам – никого рядом не было. Он убил египтянина, а труп зарыл в песок. На другой день Моисей вышел и увидел, как дерутся друг с другом два еврея. Он сказал обидчику:

– Зачем ты бьешь своего товарища?

Тот ответил:

– А кто тебя сделал над нами начальником и судьей? Ты что, и меня задумал убить, как убил египтянина?

Страшно стало Моисею. Он подумал: «Значит, все открылось».

Фараон узнал о случившемся и хотел казнить Моисея. Но Моисей бежал от фараона.

(Исх 2:11-15)

2.5. Женильба

וַיֵּשֶׁב בְּאֶרֶץ־מִדְיָן וַיֵּשֶׁב עַל־הַבְּאֵר:

וּלְכֹתֵן מִדְיָן שֶׁבַע בָּנוֹת וַתִּבְאֵנָה וַתְּמַלְאנָה וַתְּמַלְאנָה אֶת־הַרְהָטִים לְהַשְׁקוֹת צֹאן אַבְיָהוּן:

וַיִּבְאוּ הָרְעִים וַיִּגְרְשׁוּם וַיִּקָּם מֹשֶׁה וַיִּשְׁעֶן וַיִּשְׁק אֶת־צֹאנָם:

וַתִּבְאֵנָה אֶל־רְעוּאֵל אַבְיָהוּן וַיֵּאמֶר מִדּוּעַ מֵהֲרַתָּן בָּא הַיּוֹם:

וַתֵּאמְרָן אִישׁ מִצְרִי הִצִּילָנוּ מִיַּד הָרְעִים וְגַם־דָּלָה דָּלָה לָנוּ וַיִּשְׁק אֶת־הַצֹּאן:

ЕВРЕЙ ПРИ ДВОРЕ ФАРАОНА

וַיֹּאמֶר אֶל־בְּנֵיהֶו וַאֲנִי לָמָּה זֶה עֹשֶׂתֶן אֶת־הָאִישׁ קְרָאֵן לוֹ וַיֹּאכַל לֶחֶם:²⁰
וַיֹּאֶל מֹשֶׁה לְשִׁבְתָּ אֶת־הָאִישׁ וַיִּתֵּן אֶת־צִפְרָה בְּתוֹ לְמִשָּׁה:²¹

Он поселился в стране мидьянитян. Однажды он сидел у колодца. А у мидьянского жреца было семь дочерей. Они пришли, начерпали воды и наполнили поилки для отцовской отары, но подошли пастухи и стали гнать их. Моисей встал и заступился за девушек, а потом напоил их овец. Когда девушки вернулись к своему отцу, Реуэлу, тот спросил:

– Что вы сегодня так скоро?

Они сказали:

– Какой-то египтянин заступился за нас перед пастухами, а потом начерпал нам воды и напоил овец.

Он сказал дочерям:

– Так где же он? Что ж вы бросили там этого человека? Зовите, угостим его.

Моисей решил остаться у мидьянитянина. Тот отдал Моисею в жены свою дочь Циппору.

(Исх 2:15-21)

3. Другие библейские тексты

3.1. Агарь и Измаил

¹ וְשָׂרִי אֵשֶׁת אַבְרָם לֹא יָלְדָה לוֹ וְלֵה שִׁפְחָה מִצְרַיִת וְשָׁמָּה הֵגֵר:
² וְתֹאמַר שָׂרִי אֶל-אַבְרָם הִנֵּה-נָא עֲצָרְנִי יְהוָה מִלְּדַת בִּא-נָא אֶל-שִׁפְחָתִי אוּלַי אֲבִנָּה מִמֶּנָּה וַיִּשְׁמַע אַבְרָם לְקוֹל שָׂרִי:
³ וְתִקַּח שָׂרִי אֵשֶׁת-אַבְרָם אֶת-הַגֵּר הַמִּצְרַיִת שִׁפְחָתָהּ מִקֶּץ עֶשְׂרֵים שָׁנִים לְשֵׁבַת אַבְרָם בְּאַרְצָן כְּנָעַן וַתִּתֵּן אֹתָהּ לְאַבְרָם אִישָׁהּ לֹא לְאִשָּׁה:
⁴ וַיְבִיא אֶל-הַגֵּר וְתֹהַר וְתָרָא כִּי הָרְתָהּ וְתִקַּל גְּבֻרָתָהּ בְּעֵינֶיהָ:
⁵ וְתֹאמַר שָׂרִי אֶל-אַבְרָם חֲמָסִי עָלֶיךָ אֲנֹכִי נָתַתִּי שִׁפְחָתִי בְּחִיקֶךָ וְתָרָא כִּי הָרְתָהּ וְאִקַּל בְּעֵינֶיהָ יִשְׁפֹּט יְהוָה בֵּינִי וּבֵינֶיךָ:
⁶ וַיֹּאמֶר אַבְרָם אֶל-שָׂרִי הִנֵּה שִׁפְחָתְךָ בְּיָדְךָ עֲשִׂי-לָהּ הַטּוֹב בְּעֵינֶיךָ וְתַעֲנֶנּוּ שָׂרִי וְתִבְרַח מִפְּנֵיהָ:
⁷ וַיִּמְצְאָהּ מִלֶּאדָּה יְהוָה עַל-עֵין הַמַּיִם בְּמִדְבָּר עַל-הָעֵין בְּדֶרֶךְ שׁוּר:
⁸ וַיֹּאמֶר הָגֵר שִׁפְחָת שָׂרִי אִי-מִזָּה בָּאת וְאָנָּה תִלְכִּי וְתֹאמַר מִפְּנֵי שָׂרִי גְבֻרָתִי אֲנֹכִי בְּרַחַת:
⁹ וַיֹּאמֶר לָהּ מִלֶּאדָּה יְהוָה שׁוּבִי אֶל-גְּבֻרָתְךָ וְהִתְעַנִּי תַּחַת יָדַיָּהּ:
¹⁰ וַיֹּאמֶר לָהּ מִלֶּאדָּה יְהוָה הֲרַבָּה אַרְבָּה אֶת-זִרְעֶךָ וְלֹא יִסְפָּר מִרְבּוֹ:
¹¹ וַיֹּאמֶר לָהּ מִלֶּאדָּה יְהוָה הֲגָדָה הָרָה וְיִלְדָתָּ בֵּן וְקִרְאָתָּ שְׁמוֹ יִשְׁמַעְאֵל כִּי-שָׁמַע יְהוָה אֶל-עֲנִידְךָ:
¹² וְהוּא יְהִיֶּה פְּרֵא אָדָם יָדוֹ בְּכָל יוֹד כָּל בֶּן וְעַל-פְּנֵי כָל-אֲחָיו יִשְׁכֹּן:

Сара, жена Аврама, была бездетна. У нее была рабыня, египтянка по имени Агарь.

Сара сказала Авраму:

– Яхве не дает мне детей. Войди к моей рабыне – быть может, я стану матерью через нее. Аврам согласился с Сарой.

Сара взяла свою рабыню, египтянку Агарь (это было через десять лет после того, как Аврам поселился в Ханаане) и отдала ее своему мужу Авраму в жены.

Аврам вошел к Агари, та забеременела и потеряла уважение к госпоже.

Сара сказала:

– Моя обида – на твоей совести. Я отдала свою рабыню тебе, чтобы ты мог лежать с ней, а она забеременела и потеряла уважение ко мне. Пусть Яхве нас с тобой рассудит.

Аврам сказал:

–Твоя рабыня в твоих руках. Делай с ней, что хочешь.

Сара стала притеснять Агарь. И Агарь убежала от нее.

В пустыне, у источника, ее встретил посланец Яхве (у того источника, что по дороге в Шур). Он спросил:

– Агарь, рабыня Сары, откуда ты идешь и куда?

Она сказала:

– Я убегаю от Сары, моей госпожи.

Посланец Яхве сказал ей:

– Вернись к госпоже, пусть она притесняет тебя.

Посланец Яхве сказал ей:

– Я сделаю потомство твое многочисленным, таким многочисленным, что и не счесть.

Посланец Яхве сказал ей:

– Ты беременна, ты родишь сына. Ты должна назвать его Измаилом, ведь услышал Яхве о твоём притеснении. Он будет онагром среди людей; поднимет руку на всех, и все на него. Будет жить, не обращая внимания на братьев.

(Быт 16:1-12)

3.2. Из рассказа о рождении Исава и Иакова

וַיַּעֲתֶר יִצְחָק לַיהוָה לְנֹכַח אִשְׁתּוֹ כִּי עֲקָרָה הִוא וַיַּעֲתֶר לֹא יְהִי וַתַּהַר רַבֵּקָה אִשְׁתּוֹ:

Исаак молился Яхве о своей жене (она была бесплодна), и Яхве внял его мольбе: Ревекказабеременела.

(Быт 25:21)

3.3. Встреча Иакова с Рахилью

² וַיֵּרָא וְהָנָה בְּאֵר בְּשֵׂדֶה וְהָנָה שָׁם שְׁלֹשָׁה עֲדָרֵי צֹאן רֹבְצִים עָלֶיהָ בִּי מִן הַבְּאֵר הַהוּא יִשְׁקוּ הָעֲדָרִים וְהָאֶבֶן גְּדֹלָה עַל־פִּי הַבְּאֵר: ³ וַנֹּאסְפוּ־שָׁמָּה כָּל־הָעֲדָרִים וַגְּלָלוּ אֶת־הָאֶבֶן מֵעַל־פִּי הַבְּאֵר וְהִשְׁקוּ אֶת־הַצֹּאן וְהָשִׁיבוּ אֶת־הָאֶבֶן עַל־פִּי הַבְּאֵר לְמַקְוֵה: <...>

⁷ וַיֵּאמֶר הֵן עוֹד הַיּוֹם גְּדוֹל לֹא־עַת הָאֶסְף הַמְקַנָּה הַשְּׁקוּ הַצֹּאן וּלְכוּ רְעוּ: ⁸ וַיֵּאמְרוּ לֹא נוֹכַל עַד אֲשֶׁר יֹאסְפוּ כָּל־הָעֲדָרִים וַגְּלָלוּ אֶת־הָאֶבֶן מֵעַל־פִּי הַבְּאֵר וְהִשְׁקִינוּ הַצֹּאן: ⁹ עוֹדְנוּ מְדַבֵּר עִמָּם וַרְחֵל בָּאָה עִם־הַצֹּאן אֲשֶׁר לְאֵבִיהָ כִּי רָעָה הוּא: ¹⁰ וַיְהִי כַּאֲשֶׁר רָאָה יַעֲקֹב אֶת־רְחֵל בַּת־לֵבָן אַחִי אִמּוֹ וְאֶת־צֹאן לֵבָן אַחִי אִמּוֹ וַיֵּגֶשׁ יַעֲקֹב וַיִּגַּל אֶת־הָאֶבֶן מֵעַל־פִּי הַבְּאֵר וַיִּשֶׁק אֶת־צֹאן לֵבָן אַחִי אִמּוֹ:

Он увидел в поле колодец, а рядом с ним три стада овец (из этого колодца обычно поили стада). Отверстие колодца было закрыто большим камнем: когда собирались все стада, пастухи откатывали этот камень с отверстия колодца, поили овец, а потом вновь закрывали колодец камнем.

<...>

Иаков сказал:

– До вечера далеко, не время собирать скот. Напоите овец и гоните их на пастбище.

Те отвечали:

– Мы не можем, пока не соберутся все стада. Тогда от колодца откатят камень, и мы напоим овец.

Пока они разговаривали, подошла и Рахиль, ведя овец своего отца – она была пастушкой. Увидев Рахиль, дочь своего дяди Лавана, Иаков подошел к колодцу, откатил камень и напоил овец.

(Быт 29:2-3, 7-10)

3.4. Рувим и Валла

וַיְהִי בְשֶׁכֶן יִשְׂרָאֵל בְּאֶרֶץ הַחֹוּא וַיֵּלֶךְ רְאוּבֵן וַיִּשְׁכַּב אֶת־בִּלְהָה פִּילַגֶּשׁ אֲבִיוֹ וַיִּשְׁמַע יִשְׂרָאֵל

Когда Израиль жил в той стране, Рувим пошел и лег с Валлой, наложницей своего отца. Отец узнал об этом.

(Быт 35:22)

³ רְאוּבֵן בְּכָרִי אֲתָהּ כַּחַי וְרֵאשִׁית אוֹנִי יְתֵר שְׂאֵת וַיִּתֵּר עָזוֹ:
⁴ פָּחַז כַּמַּיִם אֶל־תּוֹתֵר כִּי עָלִיתָ מִשְׁכַּבִּי אֲבִיךָ אִזְ חִלְלֵתָ יְצוּעֵי עַלְהָ:

Рувим, ты мой первенец, моя мощь,
первый плод моей силы мужской,
всех выше – само могущество!
Безудержный, как воды,
больше первым не будешь ты,
раз возлег на постель отца –
попрал, осквернил мое ложе!

(Быт 49:3-4)

3.4а. Мидраш о Рувиме и Валле

Он мстил за обиду, нанесенную его матери. Ведь все время, пока Рахиль была жива, ее постель была возле постели нашего праотца Иакова. Когда же Рахиль умерла, наш праотец Иаков взял постель Валлы и положил рядом со своей постелью. Тогда подумал [Рувим]: «Мало того, что мать должна была ревновать при жизни своей сестры, так еще и после ее смерти!». Пошел и нарушил ложа.

(Берешит Рабба 98:4)

3.5. Из рассказа о рождении Самуила

וַיְהִי אִישׁ אֶחָד מִן־הַרְמְתַיִם צוּפִים מְהֵרָה אֶפְרַיִם וְשִׁמּוֹן וְשָׁמְרוּ אֶל־קִנְיָהּ בְּנֵי־רַחֵם בְּנֵי־אֵלֶיהָ וְהוּא בְּנֵי־תַחֲוִי
בְּרִצּוֹף אֶפְרַתִּי:

וְלֹא שְׂתֵי נָשִׁים שָׁם אַחַת חָנָה וְשֵׁם הַשְּׂנִית פְּנִינָה וַיְהִי לְפָנֶיהָ יְלָדִים וְלַחָנָה אִין יְלָדִים:

...

וְכַעֲסָתָה צָרְתָה גַם־כָּעַס בְּעַבּוּר הַרְעַמָּה כִּי־סָגַר יְהוָה בְּעַד רַחֲמָה:

...

¹⁰ והיא מרת נפש ותתפלל על-יהוה ובכה תבכה:
¹¹ ותדר נדר ותאמר יהוה צבאות אס-ראה תראה | בעני אמתך וזכרתני ולא-תשכח את-אמתך
 ונתתה לאמתך זרע אנשים ונתתיו ליהוה כל-ימי חיי ומורה לא-יעלה על-ראשו:

В Раматаиме Цуфимском, что в Ефремовых горах, жил одинчеловек, из племени Ефрема. Звали его Элкана, он был сыном Иерохама, сына Элигу, сына Тоху, сына Цуфа. У него было две жены, одну звали Анна, а другую – Пенинна. У Пенинны были дети, а у Анны детей не было. <...> Соперница не давала ей покоя и донимала ее за то, чтоЯхве затворил ее утробу. <...> В отчаянии, горько плача, Анна стала молиться Яхве. Она дала такой обет: «Яхве Воинств! Если ты обратишь свой взор на унижение рабы твоей, есливспомнишь обо мне и не забудешь меня, если дашь рабе твоей ребенка, то я посвящу его Яхве на всю его жизнь, и бритва не коснется его головы».

(1 Царств 1:1-2,6, 9-11)

3.6. Давид и Голиаф

¹² וְדוֹד בְּנֵי־אִישׁ אֶפְרַתִּי הָיָה מִבֵּית לָחֶם יְהוּדָה וּשְׁמוֹ יִשִׁי וְלוֹ שְׁמֹנֶה בָנִים וְהָאִישׁ בְּיָמֵי שְׂאוּל זָקֵן בָּא בְּאֲנָשִׁים:

¹³ וְלָכֹו שְׁלֹשֶׁת בְּנֵי־יִשִׁי הַגְּדֹלִים הָלְכוּ אַחֲרֵי־שְׂאוּל לְמַלְחָמָה וְשֵׁם | שְׁלֹשֶׁת בָּנָיו אֲשֶׁר הָלְכוּ
 בְּמַלְחָמָה אֵילָאָב הַבְּכוֹר וּמִשְׁנֵהוּ אֲבִינָדָב וְהַשְּׁלִישִׁי שֵׁמָה:

¹⁴ וְדוֹד הוּא הַקָּטָן וּשְׁלֹשָׁה הַגְּדֹלִים הָלְכוּ אַחֲרֵי שְׂאוּל: ס

¹⁵ וְדוֹד הַלֵּךְ וְשָׁב מֵעַל שְׂאוּל לְרַעוּת אֶת־צֹאן אָבִיו בֵּית־לָחֶם:

¹⁶ וַיִּגַּשׁ הַפְּלִשְׁתִּי הַשָּׂמֶס וְהָעֶרֶב וַיִּתְיַצֵּב אַרְבָּעִים יוֹם: פ

¹⁷ וַיֹּאמֶר יִשִׁי לְדוֹד בְּנֹו קַח־נָא לְאֶחִיךָ אִיפֹת הַקְּלִיאַ הַזֶּה וְעִשְׂרָה לֶחֶם הַזֶּה וְהָרַץ הַמַּחֲנֶה לְאֶחִיךָ:

¹⁸ וְאֵת עֶשְׂרֵת חֲרָצֵי הַחֶלֶב הָאֵלֶּה תָּבִיא לְשֵׁר־הָאֵלֶּף וְאֶת־אֶחִיךָ תִּפְקֹד לְשִׁלּוֹם וְאֶת־עֲרֹבְתָם תִּקַּח:

¹⁹ וּשְׂאוּל וְהַמָּה וְכָל־אִישׁ יִשְׂרָאֵל בְּעַמֶּק הָאֵלֶּה גִלְחָמִים עִם־פְּלִשְׁתִּים:

²⁰ וַיִּשְׁלַם דָּוִד בְּבִקְר וַיִּטֵּשׁ אֶת־הַצֹּאן עַל־שֹׁמֵר וַיִּשָּׂא וַיֵּלֶךְ כַּאֲשֶׁר צִוָּהוּ יִשִׁי וַיָּבֵא הַמַּעֲזָלָה וְהַחִיל:

הַיָּצֵא אֶל־הַמַּעֲרָכָה וְהָרָעוּ בְּמַלְחָמָה:

²¹ וַתַּעֲרֹךְ יִשְׂרָאֵל וּפְלִשְׁתִּים מַעֲרָכָה לַקְּרָאת מַעֲרָכָה:

²² וַיִּטֵּשׁ דָּוִד אֶת־הַכְּלִים מֵעָלָיו עַל־יַד שׁוֹמֵר הַכְּלִים וַיֵּרַץ הַמַּעֲרָכָה וַיָּבֵא וַיִּשְׂאֵל לְאֶחָיו לְשִׁלּוֹם:

²³ וְהוּא | מַדְבֵּר עִמָּם וְהָנָה אִישׁ הַבָּנִים עוֹלָה גְלִית הַפְּלִשְׁתִּי שָׁמוּ מִגַּת (מַמְעוֹרוֹת) [מַמְעַרְכוֹת]

פְּלִשְׁתִּים וַיַּדְבֵּר כְּדַבְּרִים הָאֵלֶּה וַיִּשְׁמַע דָּוִד:

²⁴ וְכָל־אִישׁ יִשְׂרָאֵל בְּרָאוּתָם אֶת־הָאִישׁ וַיִּנְסוּ מִפָּנָיו וַיִּירָאוּ מֵאֵד:

²⁵ וַיֹּאמְרוּ | אִישׁ יִשְׂרָאֵל הֲרֵאיתֶם הָאִישׁ הַעֲלָה הַזֶּה כִּי לַחֲרָף אֶת־יִשְׂרָאֵל עָלָה וְהִיָּה הָאִישׁ אֲשֶׁר־יָבִנוּ

יַעֲשֶׂרנוּ הַמְּלֹךְ | עֹשֶׂר גְּדוֹל וְאֶת־בֵּתוֹ יִתְּנוּ־לּוֹ וְאֵת בֵּית אָבִיו יַעֲשֶׂה חֲפְשֵׁי בְיִשְׂרָאֵל:

²⁶ וַיֹּאמֶר דָּוִד אֶל־הָאֲנָשִׁים הַעֲמִידִים עִמּוֹ לֵאמֹר מִה־יַעֲשֶׂה לְאִישׁ אֲשֶׁר יִכֶּה אֶת־הַפְּלִשְׁתִּי הַלְּזוֹ וְהִסִּיר

חֲרָפָה מֵעַל יִשְׂרָאֵל כִּי מִי הַפְּלִשְׁתִּי הָעֵרַל הַזֶּה כִּי חָרַף מַעֲרֹכוֹת אֵלֶּהִים חַיִּים:

²⁷ וַיֹּאמְרוּ לוֹ הָעָם כְּדַבֵּר הַזֶּה לֵאמֹר כֹּה יַעֲשֶׂה לְאִישׁ אֲשֶׁר יָבִנוּ:

וַיִּשְׁמַע אֱלִיאָב אָחִיו הַגָּדוֹל בְּדַבְרוֹ אֶל־הָאֲנָשִׁים וַיַּחֲרֹאֶף אֱלִיאָב בְּדוֹד וַיֹּאמֶר | לְמַה־זֶּה יָרַדְתָּ וְעַל־מִי
נָטַשְׁתָּ מֵעַט הַצֹּאן הַלְהִנֵּה בַּמִּדְבָּר אֲנִי יָדַעְתִּי אֶת־זוֹדְךָ וְאֵת רַע לְבָבְךָ כִּי לִמְעַן רְאוֹת הַמַּלְחָמָה יָרַדְתָּ:
וַיֹּאמֶר דָּוִד מֶה עָשִׂיתִי עִתָּה הֲלוֹא דִבַּר הוּא:

Давид был сыном того самого эфратянина из Вифлеема Иудейского, по имени Иессей. У Иессея было восемь сыновей. Он был уже глубоким старцем, когда правил Саул. Трое старших сыновей Иессея ушли на войну: ушли вместе с Саулом. Старшего из сыновей, ушедших на войну, звали Элиав, второго – Авинадав, третьего – Шамма. Давид был самым младшим из братьев. Трое старших ушли с Саулом, а Давид время от времени отлучался от Саула в Вифлеем, чтобы пастиотцовское стадо. Филистимлянин выходил и становился перед израильтянами утром и вечером, сорок дней подряд. Иессей сказал своему сыну Давиду:

– Возьми эфу жареных зерен и эти десять хлебов и поскорее отнеси к твоим братьям в стан. А эти десять кусков сыра поднеси командиру их тысячи. Узнай, как дела у братьев, и принеси от них что-нибудь.

Ведь они были с Саулом и всеми израильтянами в долине Эла, где шла войне с филистимлянами. Рано утром Давид оставил овец с другим пастухом и, взявгостинцы, отправился в путь, как ему приказал Иессей. Когда он пришел в лагерь, войско как раз строилось перед боем, раздавались боевые кличи. Израильтяне и филистимляне выстроились друг против друга. Давид, оставив свою ношу часовому, побежал к войску. Он расспросил братьев, как у них дела.

Пока он разговаривал с ними, из рядов филистимлян выступил единоборец, филистимлянин из Гата, по имени Голиаф, и повторил свои речи. Давид слышал его. При виде Голиафа все израильтяне в страхе бежали. Израильтяне говорили:

– Видите этого человека, который выступил вперед? Он выступил, чтобы бесчестить своими речами Израиль. Кто убьет его, того царь одарит великим богатством, выдаст за него свою дочь, а семью его сделает в Израиле свободной от податей.

Давид переспросил у людей, стоявших поблизости:

– Какая награда будет тому, кто убьет этого филистимлянина и снимет бесчестие с Израиля? Да кто такой этот необрезанный филистимлянин, чтобы так бесчестить войско Бога живого?

Люди ответили ему то же самое: вот, мол, какая награда ждет того, кто убьет его. Элиав, его старший брат, услышал, как он говорит с людьми. Тогда Элиав рассердился на Давида и сказал:

– Зачем ты пришел сюда? На кого ты оставил в пустыне овец, которых и так у нас мало? Я знаю, какой ты наглец и что за скверный у тебя характер. Ты же пришел поглазеть на сражение.

Давид сказал:

– Что такого я сделал? Уж нельзя и спросить?

(1 Царств 17:12-29)

3.7. Авессалом и наложницы Давида

וַיֹּאמֶר אַבְשָׁלוֹם אֶל־אֶחֱיָתָפֶל הַבּוֹ לָכֶם עֲצָה מִה־נַּעֲשֶׂה׃²⁰
 וַיֹּאמֶר אֶחֱיָתָפֶל אֶל־אַבְשָׁלוֹם בּוֹא אֶל־פְּלֹגְשֵׁי אָבִיךָ אֲשֶׁר הֵינִיחַ לְשִׁמּוֹר הַבַּיִת וְשָׁמַע כָּל־יִשְׂרָאֵל כִּי־
 נִבְאָשְׁתָּ אֶת־אָבִיךָ וְחִזְקוּ יָדַי כָּל־אֲשֶׁר אֲתָדֹ׃
 וַיִּטּוּ לְאַבְשָׁלוֹם הָאֵהָל עַל־הַגֶּגֶז וַיָּבֹא אַבְשָׁלוֹם אֶל־פְּלֹגְשֵׁי אָבִיו לְעֵינֵי כָּל־יִשְׂרָאֵל׃²²

Авессалом сказал Ахитофелу:

– Давайте посоветуемся, как нам дальше действовать.

Ахитофел сказал Авессалому:

– Войди к наложницам своего отца, которых он оставил присматривать задворцом. Весь Израиль узнает, что ты стал ненавистен отцу. Это укрепит решимость твоих сторонников.

Для Авессалома поставили палатку на крыше, и на глазах у всех израильтян он вошел к наложницам своего отца.

(2 Цар 16:20-22)

3.8. Амос в Бет-Эле

וַיִּשְׁלַח אֲמַצְיָה כֹהֵן בֵּית־אֵל אֶל־יִרְבֵּעַם מֶלֶךְ־יִשְׂרָאֵל לֵאמֹר קֶשֶׁר עָלֶיךָ עֲמוֹס בְּקָרֵב בֵּית יִשְׂרָאֵל
 לֹא־תֹכֵל הָאָרֶץ לְהִכִּיל אֶת־כָּל־דְּבָרָיו׃¹
 כִּי־כֹה אָמַר עֲמוֹס בְּחָרֵב יְמוֹת יִרְבֵּעַם וַיִּשְׂרָאֵל גְּלוּהָ יִגְלוּהָ מֵעַל אֲדָמָתוֹ׃ ס
 וַיֹּאמֶר אֲמַצְיָה אֶל־עֲמוֹס חֲזֹה לָךְ בְּרַח־לָךְ אֶל־אָרֶץ יְהוּדָה וְאָכַל־שֵׁם לֶחֶם וְשָׁם תִּנְבֵּא׃¹²
 וּבֵית־אֵל לֹא־תֹסִיף עוֹד לְהִנְבֵּא כִּי מִקִּדְש־מִלְּךָ הוּא וּבֵית מִמְּלָכָה הוּא׃ ס
 וַיַּעַן עֲמוֹס וַיֹּאמֶר אֶל־אֲמַצְיָה לֹא־נִבְיָא אֲנִי וְלֹא בְּנִבְיָא אֲנִי כִּי־בֹקֵר אֲנִי וּבֹלֵס שְׂקָמִים׃¹⁴
 וַיִּקְחֵנִי יְהוָה מֵאַחֲרֵי הַצֹּאן וַיֹּאמֶר אֵלַי יְהוָה לָךְ הִנְבֵּא אֶל־עַמִּי יִשְׂרָאֵל׃¹⁵
 וְעַתָּה שָׁמַע דְּבַר־יְהוָה אַתָּה אָמַר לֹא תִנְבֵּא עַל־יִשְׂרָאֵל וְלֹא תִטִּיף עַל־בֵּית יִשְׁחָק׃¹⁶
 לָכֵן כֹּה־אָמַר יְהוָה אֲשֶׁר־לָךְ בְּעִיר תִּזְנֶה וּבְנִיזָךְ וּבְנִתְיָךְ בְּחָרֵב יִפְּלוּ וְאֲדָמָתְךָ בְּחֶבֶל תִּחַלֵּק וְאַתָּה עַל־
 אֲדָמָה טְמֵאָה תִּמּוֹת וַיִּשְׂרָאֵל גְּלוּהָ יִגְלוּהָ מֵעַל אֲדָמָתוֹ׃

Амасия, жрец из Бет-Эля, передал Иеровоаму, царю Израиля:

– Амос готовит против тебя заговор среди израильтян. Страна уже не может терпеть его речей. Вот что говорит Амос: «Иеровоам падет от меча, а Израиль в плен уведут на чужбину».

Амасия сказал Амосу:

– Прорицатель, ступай отсюда в Иудею – там и пророчествуй, зарабатывай себе на хлеб.

А в Бет-Эле не пророчествуй больше! Это царское святилище, государственный храм.

Амос отвечал Амасии:

– Не пророк я и не из рода пророков. Я хожу за скотом и ращу сикоморы. Но Яхве взял меня от овец и велел: „Иди, пророчествуя Моему народу Израилю“. А теперь слушай слово Яхве. Ты говоришь: „Не пророчествуй Израилю, не вещай дому Исаака!“ За это (так говорит Яхве) жена твоя станет уличной шлюхой, сыновья и дочери падут от меча, землю твою землемер разделит, сам ты умрешь на земле нечистой. А Израиль в плен уведут на чужбину.

(Амос 7:10-17)

3.9. Закон о правах первенца

15 כִּי־תֵהֵי לְאִישׁ שְׁתֵּי נָשִׁים הָאֶחָת אֶהוּבָה וְהָאֶחָת שְׂנוּאָה וַיִּלְדוּ־לּוֹ בָנִים הָאֶהוּבָה וְהַשְּׂנוּאָה וְהָיָה
הַבֵּן הַבְּכוֹר לְשְׂנוּאָה:
16 וְהָיָה בַּיּוֹם הַנִּחְיָלוֹ אֶת־בָּנָיו אֶת אֲשֶׁר־יְהִי לּוֹ לֹא יוּכַל לְכַבֵּר אֶת־בְּרֵיהֶאֱהוּבָה עַל־פְּנֵי בְּרֵה־שְׂנוּאָה הַבְּכֹר:
17 כִּי אֶת־הַבְּכֹר בְּרֵה־שְׂנוּאָה יִכִּיר לָתֵת לוֹ פִּי שְׁנַיִם בְּכָל אֲשֶׁר־יִמְצָא לוֹ כִּי־הוּא רֹאשִׁית אֲנִי לוֹ
מִשְׁפַּט הַבְּכֹרָה:

Если у человека две жены и одну он любит, а другую нет, и обе, любимая и нелюбимая, родили ему сыновей, причем первенец его – сын нелюбимой, то этот человек, распределяя между сыновьями наследство, не может отдать долю первенца сыну любимой жены в обход настоящего первенца, сына нелюбимой. Он обязан признать сына нелюбимой жены [первенцем] и выделить ему из всего, что имеет, двойную долю: этот сын – первый плод его мужской силы, и права первенца за ним.

(Втор 21:15-17)

3.10. Яма (бор) как синоним Шеола

יְהוָה הֶעֱלִיתַי מִן־שְׂאוֹל נַפְשִׁי תִּיַּתֵּנִי (מִיֹּרְדֵי) [מִיֹּרְדֵי] בּוֹר:

Яхве, ты поднял меня из Шеола,
вернул меня к жизни от сходящих в Яму.

(Пс 30/29:4)

שְׁתַּנִּי בְּבוֹר תַּחְתִּיּוֹת בְּמַחְשָׁבִים בְּמַצְלוֹת:

Ты низверг меня в Яму преисподней, в пучину, во тьму.

(Пс 88/87:7)

נִבְלַעַם כְּשְׂאוֹל חַיִּים וְתַמִּימִים כְּיֹרְדֵי בּוֹר:

Мы, как Шеол, их поглотим живьем, целиком – как сходящих в Яму.

(Прит 1:12)

3.11. Рождение Иисуса

И вот после того как в иудейском городе Вифлееме, при царе Ироде, родился Иисус, в Иерусалим явились с востока звездочеты.

– Где новорожденный царь евреев? – спрашивали они. – Мы видели, как возшла его звезда, и пришли воздать ему почести.

Царь Ирод, услышав об этом, пришел в смятение, а с ним и весь Иерусалим. Собрав всех старших священников и учителей Закона, он спросил у них, где надлежит родиться Помазаннику.

– В иудейском городе Вифлееме, – ответили они. – Потому что так написано пророком: „И ты, Вифлеем, земля Иуды, не самый малый средь главных городов Иуды: из тебя произойдет вождь, пастырь народа моего Израиля».

Тогда Ирод, тайно призвав к себе звездочетов, выведал у них точное время появления звезды и направил в Вифлеем, сказав им:

– Ступайте и все в точности разузнайте о ребенке. А когда найдете его, дайте мне знать, я тоже приду воздать ему почести.

Выслушав царя, они отправились в путь. И вдруг звезда, восход которой они видели, стала двигаться перед ними, пока не остановилась над тем местом, где был ребенок. Когда они увидели звезду, они очень сильно обрадовались. Войдя в дом, они увидели ребенка и Марию, его мать, и, встав на колени, склонились перед ним ниц, а потом, достав ларцы с сокровищами, преподнесли ему в дар золото, ладан и смирну. Получив во сне повеление не возвращаться к Ироду, они отправились в свои края другой дорогой.

После того как они ушли, ангел Господень является во сне Иосифу и говорит:

– Встань, возьми ребенка с матерью и беги в Египет. Оставайся там до тех пор, пока не скажу тебе. Ирод собирается разыскать ребенка и убить его.

Тот встал, взял ребенка с матерью и ночью отправился в Египет. Там он оставался до смерти Ирода. Это произошло, чтобы исполнилось то, что сказал Господь через пророка: «Из Египта призвал я моего сына».

Когда Ирод увидел, что звездочеты его провели, он пришел в ярость. Он приказал убить в Вифлееме и его окрестностях всех мальчиков в возрасте до двух лет, то есть рожденных в то время, о котором он узнал от звездочетов.

(Евангелие от Матфея 2:1-16)

4. Древневосточные мифы

4.1. Из древнеегипетской сказки «Два брата»

И вот прошли дни, и братья были в поле и перестали сеять – все зерно вышло. Тогда старший послал брата в селение, сказав:

– Поспешి принести нам зерна из селения.

Меньшой застал невестку свою за причесыванием. Он сказал ей:

– Встань и дай мне зерна, я спешу обратно, потому что брат мой старший ждет меня в поле. Не медли!

Она сказала ему:

– Ступай и открой житницу и возьми сам, сколько нужно, - чтобы не остановилась прическа моя на полпути.

Тогда юноша пошел в хлев и взял большой сосуд. Хотелось ему унести побольше зерна. Нагрузился он пшеницею и ячменем и вышел из житницы. Тогда она сказала ему:

– Что за ноша у тебя на плече?

Он сказал ей:

– Три хара пшеницы, два хара ячменя, всего пять хар – вот какая ноша на плече моем.

Так он сказал. Она же сказала:

– Много силы в тебе! Я вижу твои достоинства ежедневно.

И пожелало сердце ее познать его, как познают мужчину. Она встала, и обняла его, и сказала ему:

– Идем, полежим вместе час. На пользу будет это тебе – я сделаю тебе красивую одежду.

Тогда юноша стал подобен южной пантере в гневе [...] из-за скверных слов, которые она произнесла, и она испугалась весьма. И он заговорил с ней и сказал:

– Как же это? Ведь ты мне вместо матери, а твой муж вместо отца, ведь он старший брат, он вырастил меня. Что за мерзость ты мне сказала! Не повторяй ее мне никогда, и я не скажу никому и замкну уста свои, чтобы не услышал об этом никто из людей.

И он поднял свою ношу и отправился в поле. Он вернулся к брату, и они снова взялись за дело и занялись своею работою.

И вот, когда наступил вечер, старший брат пошел в дом свой, а меньшой погнал скот, нагрузившись всяческим полевым добром. В селение погнал он скот, чтобы спал скот в хлеве своем ночью. И вот жена старшего брата была в страхе из-за слов, которые она сказала. Взяла она жир и натерлась им, словно бы перенесла побои, чтобы сказать своему мужу: «Это брат твой меньшой избил меня».

ЕВРЕЙ ПРИ ДВОРЕ ФАРАОНА

А муж возвратился вечером, как и всякий день, по заведенному порядку. Вошел он в дом свой и застал жену свою лежащей, притворившись больной. Не полила она воды ему на руки, как обычно, не зажгла света перед ним, и дом был во мраке. Она лежала, жалуясь на тошноту. Муж сказал ей:

– Кто обидел тебя?

Она сказала ему:

– Никто не обижал меня, кроме твоего брата меньшого. Пришел он взять для тебя зерно, и застал меня одну, и сказал мне: «Идем, полежим вместе час. Надень свой парик». Так он сказал. Но я не стала слушать его. «Разве я не мать тебе? Разве твой брат тебе не вместо отца?» Так я сказала ему. Он испугался и избил меня, чтобы я не рассказывала тебе. Если оставить его жить, я умру. Вот, когда он придет [...], ибо я страдаю из-за этого скверного умысла, который он собирался исполнить вчера.

Тогда старший брат сделался подобен южной пантере. Он наточил свой нож и сжал его в руке своей. Он встал за воротами хлева, чтобы убить брата своего меньшого, когда тот возвратится вечером и станет загонять скот в хлев. И вот, когда солнце село, меньшей брат, нагруженный, по ежедневному своему обыкновению, всякими травами, пришел. И первая корова вошла в хлев. И сказала она своему пастуху:

– Вот твой старший брат стоит с ножом, чтобы убить тебя. Беги от него!

И услышал он, что сказала первая корова. Вошла и другая корова и сказала то же. Тогда взглянул он под ворота хлева и увидел ноги брата, который стоял за воротами с ножом в руке. Тогда положил он ношу свою на землю и бросился бежать, спасаясь. А старший брат пустился вдогонку с ножом в руке. Тогда меньшей призвал на помощь бога Ра-Хорахти, воззвав:

– Владыка благой! Ты – правящий суд над лживым и праведным!

И внял Ра его мольбе. И повелел Ра, чтобы легли воды между ним и его братом и чтобы кишели крокодилами те воды. И вот один из братьев оказался на одном берегу, второй - на другом. И вот старший дважды ударил себя по руке, досадуя, что не убил меньшого. Тогда меньшей обратился к нему с другого берега и сказал:

– Останься на месте, пока не озарится земля. Когда же взойдет солнечный диск, я буду судиться с тобой пред его ликом, и он воздаст по заслугам лживому и праведному, - потому что я не останусь с тобой [...] во веки веков, не буду там, где ты, но отправлюсь в Долину Кедр.

И вот земля озарилась, и наступил следующий день, и поднялся Ра-Хорахти, и смотрели один на другого братья. И тогда заговорил меньшей и сказал так:

– Что это значит? Ты погнался за мною, чтобы убить коварно! А ведь ты даже не выслушал моих слов! Ведь я – твой брат меньшей, ведь ты мне вместо отца! Ведь жена

твоя мне вместо матери! Поистине это так! Когда ты послал меня принести зерна, твоя жена сказала мне: «Идем, полежим час вместе». Но погляди, как она все вывернула и перевернула в глазах твоих!» После этого он поведал брату обо всем, что случилось между ним и невесткою. И он поклялся именем Ра-Хорахти и промолвил: – Так что же это значит, что ты гонишься за мною и хочешь коварно убить меня ножом ради распутницы?

И взял он острый лист тростника, и отсек себе тайный уд, и бросил в воду, а потом рыба-сом проглотила его. И лишился он силы, и стал несчастен, а старший брат сокрушался сердцем своим весьма и громко рыдал, но не мог перебраться к брату своему меньшому через воды, кишевшие крокодилами. И обратился к нему меньшей и сказал:

– Почему ты думал одно лишь дурное, почему не вспомнил чего-либо доброго, что сделал я для тебя? Ступай же теперь в свой дом и сам ходи за своим скотом, ибо не буду больше там, где ты, но отправлюсь в Долину Кедр.

4.2. Миф о Стратонике и Комбабе

Говорят, что в древности на месте современного храма стоял другой, впоследствии разрушенный временем. Нынешний же храм построен Стратоникой, женою ассирийского царя.

Мне кажется, это была та самая Стратоника, которую любил ее пасынок, чья страсть была открыта проницательным врачом царя. Когда на юношу обрушилась эта беда, он, в безвыходном положении, подчинился тяжелому злу, молча заболел. Он лежал, не чувствуя никакой боли, но лицо его побледнело, а тело чахло день ото дня. Врач не видел никаких признаков болезни и догадался, что юноша болен от страсти. Затаенную же любовь можно распознать по слабости глаз, по голосу, цвету лица, слезам. Зная это, врач сделал следующее: положив правую руку на сердце юноши, он призывал по очереди всех домашних. Кто бы ни входил в комнату больного, он оставался спокоен; но лишь только вошла мачеха, он весь задрожал, покрылся потом, изменился в лице, и сердце его усиленно забилося. По этим признакам врач угадал тайную страсть юноши.

18. Его он излечил следующим образом. Врач позвал сильно встревоженного отца и сказал ему: «Твой сын страдает не от болезни, а от греховного чувства; он ничем не болен, но одержим безрассудной страстью. Страсть эта никогда не будет удовлетворена, так как он любит мою жену, которую я ни за что не отдам ему». Врач с умыслом придумал эту ложь.

Отец тотчас же стал просить его: «Ради мудрости твоей и ради врачебного искусства, не губи моего сына. Ведь не по собственному желанию подвергся он этому несчастью, — он не волен в своей болезни. Не навлекай же из ревности к нему горе на все царство и, будучи сам врачом, не губи его». Так говорил отец, не зная истины. «Ты совершишь беззаконие, — отвечал ему врач, — если отнимешь у меня жену и тем нанесешь обиду врачу. Как бы ты сам поступил, если бы сын твой полюбил твою жену? Ведь подобной жертвы требуешь ты от меня». Отец ему на это ответил, что он ни за что не оставил бы у себя жены, если бы ему пришлось из-за нее потерять сына, когда бы тот полюбил собственную мачеху; ибо далеко не одно и то же несчастье — потерять жену или сына. Услышав эти слова, врач сказал: «Не меня ты должен просить: ведь это твою жену он любит. То, что я говорил прежде, было лишь хитростью». Эти доводы убедили царя. Он отдал сыну и жену, и царство, а сам ушел в Вавилонию; там он основал город, названный по его имени, где и скончался.

Вот что рассказывают о враче, который открыл любовь юноши и так искусно вылечил ее.

19. Эта-то вот Стратоника, живя еще с первым мужем увидела однажды во сне, что Гера дает ей приказание построить в Гелиополе храм в ее честь и угрожает в случае неповиновения страшными бедствиями. Стратоника сначала не обратила на это внимания, но когда ее постигла тяжелая болезнь, она рассказала свой сон мужу и, желая умиловить Геру, дала обет выстроить ей храм. После этого она немедленно выздоровела, и муж послал ее в Гелиополь. Он дал ей много денег на постройку и большой отряд войска для охраны. Признав к себе одного из своих друзей, очень красивого юношу по имени Комбаб, царь сказал ему: «За твою доблесть, Комбаб, я люблю тебя больше всех наших друзей и высоко ценю тебя за мудрость и привязанность к нам, которую ты всегда проявлял. Теперь мне нужна твоя верность, так как я хочу, чтобы ты сопровождал мою жену и вместо меня построил бы святилище и распорядился войском. Когда ты вернешься, ты будешь у нас в великом почете». В ответ на это Комбаб стал умолять царя не посылать его, не поручать ему непосильного дела, не доверять ему жены и постройки святилища. Комбаб боялся этого поручения из-за того, чтобы впоследствии царь не стал ревновать его к Стратонике, которую он должен был сопровождать один.

20. Но так как царь был непреклонен, то Комбаб попросил отсрочки на семь дней, как бы для одного очень важного дела, после исполнения которого он мог бы свободно отправиться в путь. На эту просьбу он легко получил согласие царя. Придя домой, он бросился на землю и стал горько жаловаться: «О, я, несчастный! К чему мне это доверие? Зачем мне это путешествие, злополучный конец которого я предвижу? Ведь я молод, мне придется сопровождать красивую женщину. Мне предстоит страшные

несчастия, если только я не уничтожу самую возможность их возникновения. Я должен принести тяжелую жертву, которая вполне освободит меня от страха».

Решив так, Комбаб оскопил себя и отсеченную часть тела положил вместе с мирром, медом и другими благовониями в небольшой сосуд, приложив печать, которую всегда носил при себе. Потом он принялся лечить рану и вскоре оправился настолько, что был в состоянии предпринять путешествие. Тогда он пошел во дворец и в присутствии многих дал царю сосуд и сказал: «Господин мой, этот драгоценный сосуд лежал у меня в доме, и он мне очень дорог. Теперь, отправляясь в далекий путь, я поручаю его тебе. Сохрани мне его в безопасном месте. Мне он дороже золота и милее жизни. Когда я вернусь, я хочу получить его целым и невредимым». Царь взял сосуд, запечатал его также и своей печатью и отдал на сохранение казначеям.

21. После этого Комбаб благополучно совершил путешествие и, прибыв в Гелиополь, усердно принялся за постройку храма. Дело это длилось три года, в течение которых и произошло то, чего опасался Комбаб. Стратоника, проводившая вместе с ним много времени, постепенно влюблялась в него, и в конце концов любовь эта превратилась в бешеную страсть. Жители Гелиополя говорят, что это произошло по воле Геры; она знала, что Комбаб чист, но хотела наказать Стратонику за то, что она неохотно обещала ей выстроить храм.

22. Сначала Стратоника держала себя благоразумно и скрывала свою болезнь. Но молчание увеличило ее страдания; тогда она стала на виду у всех терзаться и плакать по целым дням. Она постоянно звала к себе Комбаба, который для нее сделался всем. Наконец, не зная, чем помочь своему горю, она начала искать благовидный предлог для признания. Боясь доверить свою любовь третьему лицу и стыдясь самой открыть свое чувство Комбабу, она задумала вступить с ним в разговор, опьянив себя вином, – ведь вместе с вином приходит откровенность, а неудача не будет постыдной, так как все, сделанное в опьянении, забывается.

Как она задумала, так и сделала. Встав после обеда, она пошла в дом, где жил Комбаб, с мольбами охватила его колени и призналась в любви. Но он сурово выслушал ее слова, отказал ей в просьбе и упрекнул ее за опьянение. Тогда Стратоника стала угрожать, что наложит на себя руки. Комбаб в испуге рассказал ей о своем несчастье и открыл ей всю истину. Эта неожиданность успокоила страсть Стратоники, но любовь свою она не могла забыть. Проводя целые дни с Комбабом, она утешала этим свое безнадежное чувство.

Подобную же любовь и теперь еще можно встретить в Гелиополе. Женщины страстно влюбляются в галлов, которые, в свою очередь, безумно к ним стремятся; такая любовь не вызывает ничьей ревности и почитается даже священной.

23. Однако то, что произошло в Гелиополе со Стратоникой, не осталось скрытым от царя. Многие, вернувшись домой, обвиняли ее и рассказывали обо всем царю. Страдая от этого, царь еще до окончания постройки отозвал Комбаба.

Другие рассказы об этом событии нельзя считать правдой. Стратоника будто бы, не достигшая того, к чему стремилась, сама написала мужу, обвиняла Комбаба в покушении на ее честь. Рассказы эллинов о Сфенебее и Федре кносской ассирийцы относятся к Стратонике. Я же сомневаюсь, чтобы Сфенебея или Федре могли так поступить, особенно если Федре действительно любила Ипполита. Впрочем, пусть все будет так, как оно было.

24. Когда приказ царя пришел в Гелиополь и Комбаб узнал причину своего отозвания, он спокойно отправился в путь, так как знал, что дома у него оставалось доказательство его правоты. Когда он явился к царю, то тотчас же был связан и взят под стражу. Потом царь созвал друзей, которые присутствовали при отправлении Комбаба, вывел последнего на середину и стал обвинять его в прелюбодеянии и распущенности. Горько жалуясь на злоупотребление доверием и дружбой, он упрекал его в трех преступлениях: в совершении прелюбодеяния, в нарушении верности и в нечестии по отношению к божеству в то время, когда он строил храм. Многие из присутствующих свидетельствовали, что видели Стратонику и Комбаба в объятиях друг друга. Под конец всем было ясно, что Комбаб будет умерщвлен как совершивший преступление, наказуемое смертью.

25. До сих пор он стоял, не сказав ни одного слова. Но лишь только его повели на казнь, он заговорил и попросил вернуть ему его сосуд, добавив при этом, что царь убивает его не за своеволие и преступление по отношению к Стратонике, а лишь из желания овладеть тем, что Комбаб передал ему перед отправлением в путь. Тогда царь призвал казначеев и приказал им принести то, что они хранили. Когда принесли сосуд, Комбаб сломал печать и показал то, что в нем находилось. «Царь, – сказал он, – именно этого обвинения боялся я, когда ты посылаешь меня в путешествие. Я не хотел идти, но ты принудил меня, и потому я совершил над собой это насилие, которое должно было обеспечить честь моего господина, но которое было так тяжело для меня. Несправедливо поэтому обвинять меня в преступлении, совершить которое мог только мужчина». Тогда царь обнял его и со слезами воскликнул: «О, Комбаб! Какой ужасный поступок ты совершил. Зачем ты, а не кто-нибудь другой нанес себе это позорное увечье! О несчастный! Не могу же ведь я хвалить тебя за это. Лучше бы

не было твоих страданий, лучше бы мне их не видеть. Ведь мне не надо было такого оправдания. Но если уж бог так судил, то пусть мщение постигнет клеветников. Они будут преданы казни; тебя же я осыплю дарами, ты получишь груды золота и серебра без счета, ассирийские наряды, царских коней. Входи ко мне без доклада, никто тебе не запретит видеть меня, даже когда я возлежу с женой».

Как царь сказал, так и сделал. Доносчиков тотчас повели на казнь. Комбаб же получил богатые подарки и стал лучшим другом царя. Казалось, что никто в Ассирии не был равен ему по мудрости и богатству.

(«О сирийской богине», 17-25)

4.3. Предания о гиксосах и происхождении евреев у Манефона

«...бог, неведомо мне почему, прогневался, и нежданно из восточных стран люди происхождения бесславного, дерзкие, напали на страну и без сражений легко овладели ею. И властителей ее покорив, они безжалостно предали города огню и святилища богов разрушили. А с жителями поступали бесчеловечно жестоко – одних убивали, а детей и жен других уводили в рабство. Наконец, и царем они сделали одного из своих, имя его Силатис. <...> Все их племя называлось Гиксос, то есть «цари-пастухи», потому что «ГИК» на священном языке означает «царь», а «СОС» – «пастух» и «пастухи» в просторечном языке. Если же составить их вместе, получается «ГИКСОС». Некоторые говорят, что они по происхождению арабы». <...> «Эти вышеназванные цари из так называемых пастухов, – говорит Манефон, – а также их преемники властвовали над Египтом пятьсот одиннадцать лет. Затем, – говорит он, – против пастухов восстал царь Фив и цари других египетских земель, и вели с ними жестокую многолетнюю войну. В правление царя по имени Мисфрагмутос пастухи стали терпеть неудачи и повсюду из Египта были изгнаны, но закрепились в одном месте, имевшем десять тысяч агур в окружном измерении. Оно называется Аварис. Пастухи, – говорит Манефон, – со всех сторон обнесли его высокой мощной стеной, чтобы надежно укрыть свое имение и награбленную добычу. Сын Мисфрагмутоса Туммос во главе войска из четырехсот восьмидесяти тысяч человек осадил город и попытался взять его штурмом. Но затем, отчаявшись в успехе, он отказался от осады и заключил с ними договор, по которому все они должны были оставить Египет и в полной безопасности для себя удалиться, куда пожелают. И те, по условию договора, со своими семьями и имуществом числом не менее двухсот сорока тысяч направились через пустыню в Сирию. Но, испытывая страх перед могуществом ассирийцев (а они тогда господствовали над Азией), в месте, называемом теперь Иудея, они основали город, способный вместить великое множество жителей, и назвали его Иерусалим». В другой книге «Истории Египта» Манефон говорит, что тот самый народ, так

ЕВРЕЙ ПРИ ДВОРЕ ФАРАОНА

называемые «пастухи», именуется в их священных книгах пленниками, и здесь он прав, поскольку для наших далеких предков исконным занятием было пастушество, они вели кочевую жизнь и назывались поэтому пастухами. Также не без основания египтяне называли их пленниками, потому что прародитель наш Иосиф сам говорил египетскому царю, что он пленник, и он же впоследствии с разрешения царя призвал в Египет своих братьев

(Иосиф Флавий. «Против Апиона» 1.14).

Этот человек сказал ему [фараону Аменофису], что он сможет созерцать богов, если полностью очистит страну от прокаженных и других нечистых. Обрадованный царь велел изгнать из Египта всех, кто имел скверну на теле (число их составило восемьдесят тысяч человек), и приказал заключить их в каменоломни к востоку от Нила, чтобы те работали там наравне с прочими египетскими заключенными. <...> «С тех пор как оскверненных отправили в каменоломни, прошло немало времени, и царь пожаловал им некогда оставленный пастухами город Аварис, чтобы у них было собственное пристанище и кров. Этот город по древнему преданию был посвящен Тифону. Придя туда, они получили возможность обособиться и избрали своим предводителем некоего Осарсифа, жреца из Гелиополя, и дали клятву во всем подчиняться ему. Своим первым законом тот запретил поклоняться богам, воздерживаться от особо почитаемых в Египте священных животных, но всех приносить в жертву и употреблять их в пищу, а также повелел не вступать в общение ни с кем, кроме связанных с ними единой клятвой. Издав эти и многие другие постановления, которые были особенно враждебны египетским обычаям, он приказал сообща соорудить оборонительную стену и готовиться к войне с царем Аменофисом. Сам же, собрав жрецов и прочих своих нечистых сограждан, решил отправить посольство к изгнанным Тетмосом пастухам в город, называемый Иерусалим. Рассказав о том, какому бесчестию подвергли его самого и других, он стал уговаривать их вместе пойти войной против Египта. Он предложил им направиться сначала в Аварис, на родину их предков, где пообещал приготовить для войска обильные запасы продовольствия, а когда будет нужно, на их стороне вступить в войну и без труда покорить им страну. Обрадованные этим обстоятельством, те единодушно выступили в поход числом около двухсот тысяч и вскоре пришли в Аварис. <...> А пришедшие из Иерусалима гиксосы вместе с нечистыми жителями Авариса обращались с покоренным населением настолько бесчеловечно, что их владычество для тех, кто был свидетелем их святотатства, казалось самым ужасным из всех зол. Ибо они не только сжигали дотла города и деревни и не удовлетворялись разграблением храмов и осквернением статуй богов, но употребляли их для разведения огня и приготовления мяса почитаемых священных животных, причем сперва они заставляли самих жрецов и прорицателей закалывать и приносить их в жертву, а затем, раздевая их самих до-

нага, прогоняли. Говорят, что тот самый жрец, который основал их государство и написал законы, происходил из Гелиополя и звался Осарсифом по имени тамошнего бога Осириса, но, оказавшись среди них, он изменил свое имя и стал называться Моисей».

(Иосиф Флавий. «Против Апиона» 1.26)

4.4. Сказание о Саргоне

Я – Шаррукен, царь могучий, царь Аккада,
Мать моя – жрица, отца я не ведал,
Брат моего отца в горах обитает,
Град мой – Ацупирану, что лежит на берегах Евфрата.
Понесла меня мать моя, жрица, родила меня в тайне.
Положила в тростниковый ящик, вход мой закрыла смолоу,
Бросила в реку, что меня не затопила.
Подняла река, понесла меня к Акки, водоносу.
Акки, водонос, багром меня поднял,
Акки, водонос, воспитал меня, как сына.
Акки, водонос, меня садовником сделал.
Когда садовником был я, – Иштар меня полюбила,
И пятьдесят четыре года на царстве был я.
Людьми черноголовыми я владел и правил,
Могучие горы топорами медными сравнивал я,
Я поднимался на высокие горы,
Преодолевал я низкие горы,
Страну морскую трижды осаждал я.

4.5. Карна

«Да будет так», – изрек Шествующий по небу. С душой, погруженной в йогу, Враг Сварбхану приник к Кунти и коснулся ее пупка. Мощь Сурьи ошеломила деву, разум ее помутился, царская дочь упала на ложе. Сурья сказал: Я все исполню, о прекраснобедрая! Ты родишь сына, первого среди воинов, а сама останешься девой. <...> И зачала Притха дитя, о владыка земли, (которое росло) подобно Властителю звезд на небосклоне после десятого дня светлой половины месяца. Из страха перед родными прекраснобедрая дева скрывала свое положение, переносила его так, что люди ни о чем не догадывались. Она затаилась в покоях, отведенных для женщин, и так искусно хранила (свою тайну), что никто, кроме кормилицы, не понял, (в чем дело). В положенный срок прекраснейшая из женщин, оставшись девойю благодаря милости бога, родила мальчика, похожего на бессмертного. Он был облачен в доспехи, (в

ушах его) сверкали золотые серьги, глаза у него были львиные, а плечи – как у быка. Словом, (сын Сурьи был) вылитый отец. Едва произведя младенца на свет, прекрасная (Кунти) по совету кормилицы поместила его в просторную и удобную корзину, мягко выстланную покрывалами и политую снаружи воском, и, обливаясь слезами, опустила (эту корзину) в (воды реки) Ашванади. И хотя она знала, о Индра царей, что деве не подобает иметь ребенка, она жестоко страдала, успев полюбить своего сына. <...> Долго и горестно плакала Притха, опустив ту корзину в воды (реки) Ашванади. Терзаемая печалью, до полуночи проливая слезы лотосоокая Притха вместе с кормилицей, горько тоскуя о сыне. Корзину унес (поток), а (Кунти), боясь, что отец может хватиться ее, вернулась в покои царя, объятая горем. Корзина из Ашванади попала в реку Чарманвати, из Чарманвати в Ямуну, а потом приплыла в Гангу. Волны Ганги принесли корзину с младенцем в город Чампа, в ту его часть, где жили суты. (Корзина) уберегла того младенца с чудесным панцирем и серьгами, что вышли из амриты, с его провидением назначенной (необыкновенной) судьбой.

В то самое время сута по имени Адхиратха, друг Дхритараштры, пришел со своею супругой на берег Джанхави. Супруге его, которую звали Радха, по красоте не было на земле равных, о царь, но достойная женщина была лишена детей, несмотря на то что приложила все старания, чтоб обрести потомство. И вот она увидела вольно плывущую корзину с красивыми ручками и амулетами, хранящими от опасностей. Быстрые волны Джанхави прибили (корзину) к берегу. Поддавшись любопытству, женщина задержала ее и показала суте Адхиратхе. Тот поднял корзину, вытащил ее из воды, с помощью инструментов вскрыл и увидел внутри мальчика, напоминавшего утреннее солнце. Он был облачен в золотые доспехи, его сияющий лик украшали прекрасные серьги. Сута и его жена широко раскрыли глаза от изумления. Взяв малыша к себе на колени, (Адхиратха) сказал супруге: «Чуда такого, о робкая, я не видывал отроду. Мне кажется, о прекрасная, что найденный нами ребенок – божественного происхождения. Наверно, это боги послали мне, бездетному, сына». С этими словами, о владыка земли, он передал сына Радхе, и Радха, как подобает, приняла в сыновья дивного обликом, прекрасного, словно чашечка лотоса, мальчика – (истинное) дитя небес во всей его красе.

(Махабхарата 3.291-293)

4.6. Трита

Было в прежней юге, о царь, трое братьев-отшельников – Эката, Двита и Трита, – и все (они) были обликом подобны солнцу. <...>

И вот однажды, о царь, двое братьев, Эката и Двита, задумали совершить жертвоприношение <...>.

Именно так и поступили, о великий царь, трое братьев. Тогда, привлеки всех участников жертвоприношения для (приобретения) животных и совершив для них жертвенные обряды, получив затем от них большое количество животных и приняв их в дар должным образом, в соответствии с (оказанными) жреческими услугами, те благородные и великие мудрецы пошли в восточном направлении. Трита, о великий царь, шествовал радостно впереди них. А Эката и Двита следовали сзади, понукая животных. При виде того огромного стада скота у них возникла мысль: «Почему бы не могло принадлежать это (стадо) коров нам обоим, без Триты?» Внемли же тому, что говорили друг другу те оба злобных нечестивца, Эката и Двита, когда беседовали вместе, о владыка людей!

(Они говорили:) «Трита опытен (в прислуживании) при жертвоприношениях. Трита неуклонно следует ведам. Трита способен добыть другое, гораздо большее стадо. Поэтому мы оба давай уйдем вместе, погнав с собою скот! Трита же пусть идет куда угодно, лишенный нашего общества!».

В то время как они шли, их в пути застала ночь. И тут (им навстречу) попался волк. Недалеко (от того места) был глубокий колодец на берегу Сарасвати. Увидев впереди волка, стоявшего на пути, Трита пустился в бегство из страха перед ним и упал в тот колодец. Он был бездонный и страшный, способный вызвать ужас у всех существ. Тогда блаженный Трита, лучший из отшельников, принялся из того колодца издавать вопли горя и скорби. Те оба отшельника услышали (те вопли). Поняв, что он упал в колодец, оба его брата, Эката и Двита, из страха перед волком, а также из своекорыстия, покинув (своего брата), пошли дальше.

Покинутый в Удапане обоими братьями из соблазна присвоить скот, тот великий подвижник Трита, о великий царь, (оказавшись) в колодце, лишенном воды, и покрытом пылью, ползучими растениями и травой, подумал о себе, о первейший из бхаратов, что он ввергнулся в самый ад, подобно грешнику. Боясь смерти из-за того, что он не испил сомы (ради приобретения добродетельных заслуг), он, наделенный мудростью, стал размышлять: «Каким же образом мне, находящемуся здесь, может представиться возможность испить сомы?».

(Махабхарата 9.35)

4.7. Кир

107. У Астиага родилась дочь, которую звали Манданой. Астиагу приснился сон, что дочь его испустила столь огромное количество мочи, что затопила его столицу и всю Азию. Царь спросил снотолкователей-магов [о смысле] сновидения. Когда маги точно разъяснили ему [значение] сна, царь понял и устрасился. Затем, когда пришла

пора Мандане выходить замуж, Астиаг не хотел отдавать ее в жены ни одному мидянину равного происхождения. В страхе от сновидения царь выдал дочь замуж за перса по имени Камбис, выбрав его из-за знатного происхождения и спокойного нрава, хотя и считал его [по знатности] гораздо ниже среднего мидянина.

108. Как раз в первый же год после женитьбы Камбиса на Мандане Астиаг опять увидел сон: ему приснилось на этот раз, что из чрева его дочери выросла виноградная лоза и эта лоза разрослась затем по всей Азии. Об этом видении царь опять сообщил снотолкователям и затем повелел послать в Персию за своей дочерью, вскоре ожидавшей ребенка. По прибытии дочери Астиаг приказал держать ее под стражей и хотел погубить новорожденного младенца. Снотолкователи-маги объяснили ему сон так: сын его дочери будет царем вместо него. Желая избежать этого, Астиаг призвал после рождения [младенца] Кира Гарпага, своего родственника, самого преданного человека среди мидян, управителя в его царстве, и обратился к нему с такими словами: “Гарпаг! Я даю тебе важное поручение. Выполни его тщательно. Но не обманывай меня, предпочитая интересы других моим, чтобы не погибнуть потом по своей вине. Возьми младенца, которого родила Мандана, принеси в свой дом и умертви. Потом похорони его как тебе угодно”. Гарпаг же отвечал: “Царь! Никогда и прежде у тебя не было повода быть недовольным мною, и впредь я буду остерегаться в чем-нибудь провиниться перед тобой. Если такова твоя воля, то мой долг усердно ее выполнить”.

109. Так ответил Гарпаг. Когда же ему передали младенца, уже обряженного в погребальную одежду, он с плачем вернулся домой. Там он передал жене все слова Астиага. Жена спросила: “Что же ты теперь будешь делать?”. Гарпаг отвечал: “Я, конечно, не собираюсь выполнять приказания Астиага, и даже если царь будет еще более безрассуден и ослеплен безумием, чем теперь, то я все-таки не исполню его поручения и не буду соучастником столь ужасного убийства. По разным причинам я не хочу губить ребенка. Прежде всего потому, что младенец мне родственник, затем – Астиаг уже старик и нет у него мужского потомства. Если после кончины царя престол перейдет к его дочери, сына которой он теперь приказывает мне умертвить, то разве нам не грозит смертельная опасность? Впрочем, безопасности ради надо умертвить этого младенца, но убить его должен кто-нибудь из людей Астиага, но не мои люди”.

110. Так сказал Гарпаг и тотчас же послал вестника к одному пастуху-волопасу Астиага, который, как он знал, пас коров на горных пастбищах, где много диких зверей. Звали пастуха Митрадат. Жил он там с женой, которая также была рабыней Астиага. Имя ее на эллинском языке было Кино, а по-мидийски Спако (“собака” по-мидийски спако). Пастбища же, где пас свои стада этот пастух, находились у подножья горы к северу от Акбатан по направлению к Евксинскому Понту. Только в одном месте,

именно поблизости от земли саспиров, Мидийская земля покрыта высокими горами и густым лесом, вся же остальная Мидия – плоская равнина. Когда пастух поспешно прибыл на зов, Гарпаг сказал ему вот что: “Астиаг приказал тебе взять этого младенца и оставить в самом диком месте в горах, чтобы он там как можно скорее погиб. При этом царь велел сказать тебе еще вот что: «Если ты не умертвишь ребенка, а как-нибудь его спасешь, то тебя ожидает самая лютая казнь». Смотреть же за тем, что младенец действительно подкинут, поручено мне”.

111. Выслушав приказ, пастух взял на руки ребенка и тем же путем вернулся в свою хижину. В это время жена его, со дня на день ожидавшая разрешения от бремени, по воле случая родила как раз тогда, когда муж ушел в город. Оба тревожились друг за друга: муж страшился [исхода] родов жены, а жена беспокоилась [о том], зачем это Гарпаг послал за ее мужем (чего никогда раньше не бывало). Когда же муж, возвратившись, подошел к ней, то первый вопрос жены, неожиданно увидевшей его, был: зачем так поспешно вызывал его к себе Гарпаг? А муж отвечал: “Жена! Придя в город, я увидел и услышал то, что мне не следовало бы видеть и чего не должно было никогда случиться у наших господ. Весь дом Гарпага оглашался рыданиями. В испуге я все же вошел в дом. А лишь только я вступил туда, как увидел младенца, трепещущего и кричащего. На ребенке были золотые украшения, и одет он был в расшитое разноцветными узорами одеяние. Завидев меня, Гарпаг велел тотчас же взять с собой ребенка и оставить в горах, где полно диких зверей. Гарпаг добавил, что таково повеление Астиага, присовокупив страшные угрозы, если я не выполню царского приказа. Я взял ребенка на руки и понес, думая, что это дитя кого-нибудь из слуг. Ведь я никогда бы не догадался, чей это ребенок на самом деле. Я дивился только золотым украшениям и роскошной одежде младенца. Да и громкий плач и стенания в доме Гарпага поразили меня. Впрочем, по дороге я тотчас же узнал всю правду от слуги, который провожал меня из города и передал младенца. Слуга рассказал мне, что это дитя Манданы, дочери Астиага, и ее супруга Камбиса, сына Кира, и что Астиаг приказал убить младенца. Смотри, вот он!”.

112. С этими словами пастух распеленал младенца и показал жене. А жена, лишь только увидела, какой это рослый и миловидный ребенок, в слезах бросилась к ногам мужа, заклиная его никоим образом не оставлять младенца. Муж, однако, ответил, что не может поступить иначе: ведь придут соглядатаи Гарпага проверить и за послушание царского приказа его предадут мучительной смерти. Не убедив мужа, жена на худой конец решила снова обратиться к нему с такими словами: “Я не могу уговорить тебя не оставлять ребенка, но уж если людям обязательно нужно видеть, что ребенок брошен, то сделай вот так: я ведь также родила, но мертвого ребенка. Его-то ты возьми и выставь на съедение диким зверям, а младенца дочери Астиага

давай воспитаем, как нашего родного сына. Таким образом, и тебя не уличат в ослушании, и нам от этого будет неплохо. Ведь наше умершее дитя будет погребено по-царски, а живое останется в живых”.

113. Пастух решил, что жена в данном случае совершенно права и тотчас последовал ее совету. Осужденного на смерть младенца, которого принес с собою, он отдал жене, а своего собственного мертвого ребенка положил в корзину, в которой нес царского младенца. Затем, обрядив мертвого в одежды царского младенца, пастух отнес его в самое уединенное место в горах и там оставил. Спустя три дня пастух отправился в город, оставив на месте сторожить одного из своих подпасков. Придя в дом Гарпага, он сказал, что может показать труп ребенка. А Гарпаг послал туда осмотреть труп младенца своих самых верных телохранителей и затем велел похоронить дитя пастуха. Его-то и похоронили, а другого ребенка, впоследствии названного Киром, взяла на воспитание жена пастуха и дала ему какое-то другое имя, а не Кир.

114. Когда мальчику исполнилось десять лет, то его истинное происхождение обнаружилось вот как. Ребенок играл как раз в том селении, где стояли в своих хлевах быки. Играл же он с другими сверстниками на дороге. И мальчики во время игры выбрали царем этого мнимого сына волопаса. А он назначил одних строить дома, других быть телохранителями. Одному мальчику велел быть “оком царя”, другому приказал сообщать царю новости: каждому он поручил особую должность. Один из ребят – участников игры (сын знатного мидянина Артембара) не выполнил приказания. Тогда Кир велел другим схватить его. Дети повиновались, и Кир обошелся с виновным весьма сурово, наказав плетью. Лишь только виновного отпустили, он в сильном негодовании за недостойное, как ему казалось, с ним обращение прибежал в город к своему отцу с жалобой на побои, нанесенные Киром (конечно, не называя его Киром, так как ведь тогда он еще не носил этого имени, а “сыном Астиагова волопаса”). Раздраженный Артембар пришел к Астиагу жаловаться на неслыханное обращение с его сыном. “Царь, – сказал он, – вот как с ним жестоко поступил твой раб, сын волопаса!”. И при этом он показал плечи своего сына [со следами побоев].

115. Астиаг, услышав это и увидев [следы побоев], приказал послать за волопасом и его сыном (из уважения к Артембару царь хотел дать удовлетворение его сыну). Когда оба они пришли, Астиаг, посмотрев на Кира, сказал: “Так это ты, сын столь ничтожного человека, осмелился так страшно оскорбить сына высокоуважаемого Артембара?”. Мальчик же ответил так: “Господин! Я поступил с ним так по справедливости. Ведь ребята из нашей деревни (а среди них был и этот вот мальчик) во время игры поставили меня над ними царем; они решили, что я больше всех достоин такого звания. Прочие мальчики подчинялись мне, а этот был непослушным и не обращал

внимания [на приказы], пока за это его не наказали. Если за это я заслуживаю наказания, то вот я в твоей власти!”.

116. После этих слов Астиаг тотчас же узнал мальчика. Черты лица ребенка казались похожими на его собственные, и ответ был слишком гордым и откровенным для [сына] раба. Да и время, когда был выброшен [на съедение диким зверям] его внук, по-видимому, совпадало с возрастом мальчика. От ужаса Астиаг некоторое время оставался безмолвным. Едва придя наконец в себя, царь объявил, что желает допросить пастуха с глазу на глаз и для этого отослал Артембара. “Артембар, – сказал он, – я постараюсь дать тебе и твоему сыну полное удовлетворение”. Так царь отпустил Артембара, а Кира по его приказанию слуги ввели во внутренние покои дворца. Оставшись наедине с пастухом, Астиаг спросил, откуда у него мальчик и кто его передал ему. Пастух сказал, что это его ребенок, мать которого еще и теперь живет при нем. Астиаг отвечал пастуху, что было бы неразумно ему подвергаться страшным пыткам, и тотчас же подал знак телохранителям схватить пастуха. Под пыткой пастуху пришлось сознаться во всем. Он сначала правдиво рассказал, как это произошло, и закончил мольбами о милости и прощении.

117. После признания пастуха Астиаг перестал обращать на него внимание, но, перенеся теперь свой яростный гнев на Гарпага, велел телохранителям призвать его. Когда Гарпаг предстал перед ним, царь сказал: “Гарпаг! Как ты тогда умертвил младенца – сына моей дочери, которого я тебе передал?”. Гарпаг же заметил, что пастух находится во дворце, и [потому] не пошел на ложь [из страха] быть уличенным, но сказал вот что: “Царь! Когда я взял младенца, я начал обдумывать, как исполнить твою волю, оставаясь пред тобой невиновным, и не стать убийцей в глазах твоей дочери и перед тобой самим. Поэтому я поступил так: я призвал сюда этого пастуха и отдал ему ребенка, сказав, что ты велел его умертвить. И эти мои слова, конечно, были чистой правдой. Ведь таково было твое повеление. При этом я отдал младенца с приказанием оставить его на пустынной горе и сторожить там, пока дитя не умрет. Я грозил пастуху страшными карами заслушание. Пастух повиновался; а когда ребенок умер, я послал самых преданных мне слуг-евнухов проверить [исполнение приказа] и затем похоронил его с их помощью. Таковы, царь, обстоятельства этого дела и такой смертью умер младенец”.

118. Так-то Гарпаг пошел на откровенное признание. Астиаг же, затаив свой гнев, сообщил ему сначала все, что узнал от пастуха, и в заключение добавил, что ребенок остался жив и что сам-де он рад, что все обошлось благополучно. “Я очень страдал, – сказал, между прочим, царь, – из-за того, что причинил этому мальчику, и мне было нелегко выносить ненависть [ко мне] собственной дочери. А теперь, так как все сложилось к лучшему, пришли твоего сына [поиграть] к нашему «новопришлому» внуку.

Сам же ты приходи ко мне на пир, так как я хочу принести за спасение ребенка благодарственную жертву богам, которым подобает эта честь”.

119. Услышав эти слова, Гарпаг пал к ногам царя. Он был на вершине блаженства оттого, что, несмотря на его провинность, все обошлось так благополучно и ради такого радостного события он даже приглашен на пир. Затем Гарпаг поспешил домой и тотчас же послал во дворец к Астиагу сына (его единственному сыну было что-то около 13 лет от роду) и велел ему исполнить все приказания царя. Сам же он с великой радостью рассказал жене обо всем происшедшем. Между тем, лишь только сын Гарпага пришел [во дворец] к Астиагу, тот велел умертвить мальчика и рассечь [труп] на куски. Часть мяса царь приказал поджарить, а часть сварить, и это хорошо приготовленное блюдо держать наготове. Когда же наступило время пира, среди других приглашенных явился и Гарпаг. Прочим гостям и самому Астиагу были поставлены столы с бараниной, Гарпагу же подали мясо его собственного сына (все остальные куски, кроме головы и конечностей – рук и ног. Эти части лежали отдельно в закрытой корзине). Когда Гарпаг, по-видимому, насытился, Астиаг спросил, понравилось ли ему это кушанье. Гарпаг отвечал, что получил от него большое удовольствие. Тогда слуги, на которых было возложено это поручение, принесли закрытую корзину с головой, руками и ногами мальчика и приказали Гарпагу открыть [ее] и взять оттуда все, что пожелает. Гарпаг повиновался и, открыв корзину, увидел останки своего сына. Такое зрелище, однако, не смутило Гарпага, и он не потерял самообладания. Тогда Астиаг спросил, знает ли он, какой дичи он отведал. Гарпаг отвечал, что знает и что все, что ни сделает царь, ему [должно быть] мило. С такими словами он собрал остальные куски мяса и отправился домой. Быть может, он хотел собрать останки сына и предать их земле.

120. Так-то Астиаг наказал Гарпага. Затем царь призвал на совет об участии Кира тех же самых магов, которые прежде истолковали ему сновидение. Маги явились, и Астиаг вновь спросил их о значении сна. Они же повторили сказанное ими в первый раз: если бы мальчик преждевременно не умер, а остался в живых, то безусловно стал бы царем. Астиаг же возразил им: “Мальчик не умер, он жив. Когда он жил в деревне, то деревенские ребята выбрали его царем. При этом он вел себя совершенно так, как настоящие цари, окружив себя телохранителями, привратниками, вестниками и прочими слугами, как и подобает царю. Что же это предвещает, по вашему мнению?”. Маги отвечали: “Если мальчик жив и даже стал царем вовсе без умысла [так что никто и не подозревал этого], то не страшись и не беспокойся: ведь во второй раз он уже не будет царем. Даже некоторые прорицания оракулов [иногда] сводятся к пустякам и всевозможные сны подчас вовсе не имеют значения”. Астиаг же отвечал так: “Я, маги, такого же мнения: раз мальчик [однажды] уже (хотя и по имени только) был царем, то сновидение сбылось и мне уже больше нечего опасаться. Но все же

прошу вас хорошо обдумать и посоветовать мне, что следует делать для безопасности моего дома и вашей”. На это маги ответили так: “Царь! И для нас ведь весьма важно, чтобы престол остался за тобой. Если же он перейдет к этому персидскому мальчику, то попадет в чужие руки, и мы, мидяне, станем рабами, а персы будут нас презирать, как чужеземцев. Но пока царем остаешься ты, наш единоплеменник, и мы также участвуем в правлении и в великом почете у тебя. Поэтому-то у нас все основания стоять за тебя и за твою власть. И если бы мы предвидели грозящую тебе опасность, то все бы откровенно высказали. Но так как сновидение оказалось пустяковым, то мы теперь и сами ничего не боимся и тебе советуем оставить страхи. Убери этого мальчика с глаз долой и отправь к родителям в Персию”.

121. Услышав такой совет магов, обрадованный Астиаг призвал Кира и сказал ему вот что: “Дитя! Я обидел тебя из-за [лживого сновидения], которое не исполнилось, но велением Рока ты остался жив. Теперь здоровым отправляйся в Персию, а я дам тебе провожатых. Там ты найдешь отца и мать – не таких, как волопас Митрадат и его жена”.

122. С этими словами Астиаг отпустил Кира. А когда Кир возвратился в дом Камбиса, родители приняли его и, узнав, [откуда и кто он], осыпали поцелуями (они ведь думали, что он тогда сразу же был умерщвлен). Затем они стали расспрашивать сына, каким образом он остался в живых. А он рассказал им, что прежде ничего не знал [о своем происхождении] и даже имел о нем ложные представления. Только по дороге сюда он узнал всю свою горькую участь: сам же он считал себя сыном Астиагова пастуха, но в пути спутники рассказали ему все; воспитала его, по его словам, жена пастуха. Рассказывая свою историю, Кир непрерывно восхвалял ее: он только и говорил, что о Кино. Родители же подхватили это имя и, для того чтобы спасение сына казалось персам еще более чудесным, распространили слух, что подброшенного Кира вскормила собака. От этой-то Кино и пошло это сказание.

(Геродот 1.107-108)

4.8. Дараб

Хомай звали дочь властелина – умна
И щедро природою одарена.
А имя второе ее – Чехерзад,
Бехмену красавица радует взгляд.
Решился взять в жены любимицу он,
Как то позволял пехлевийский закон.
И вскоре плод царской любви понесла
Супруга, что схожа с луною была.

<...>

Вот сына на свет народила она,
Но весть эту добрую скрыла она.
Достойную сына кормилицу мать
Спешит средь прислужниц своих отыскать,
И вверен заботам кормилицы той
Державного древа побег молодой.
А всем на вопросы ответ лишь один:
«Родился, но умер в младенчестве сын».

<...>

Но сыну девятый уж месяц, лицом
Стал схож юн с Бехменом, венчанным отцом.
Царица призвать древодела спешит,
Сыскать ему доски посуше велит,
Сундук из досок смастерить попрочней
И щели меж них залепить поплотней
Растопленным воском, душистой смолой,
Внутри обтянуть златотканной парчой.
Вот постлано мягкое ложе, потом
Рубины и яхонты спрятала в нем
Царица и много монет золотых,
Смешав с изумрудами, с жемчугом их,
И царский к руке прикрепила алмаз
Младенцу. Веленью Хомай покорясь,
Кормилица добрая, плача, грустя,
Выносит объятые дремой дитя;
С любовью склонясь, уложила его,
Китайской тафтою укрыла его.
Захлопнули крышку, скрепили смолой,
Смешав с нею мускус и воск, и алой.
Лишь только погас светоч ясного дня,
В путь двинулись тайно, молчанье храня.
И вот уже воды Евфрата близки.
И брошен младенец в объятая реки.
Два стража шли берегом невдалеке,
Следили, что станет с младенцем в реке,
Едва успевали они: словно челн,
Стремительно неся сундук среди волн.

Заря над горой уж вставала, как вдруг
Застрыл, на преграду наткнувшись, сундук.

Газеры, затеяв одежды мытье
На быстрой реке, запрудили ее.
И некий газер, увидав сундучок,
Его из воды торопливо извлек.

<...>

Унес их младенца смертельный недуг,
И мать удрученная ночью и днем
Все плакала, все убивалась по нем.
«Утешься, – газер отвечает ей, – впредь
Уж в пламени горя не станешь гореть.
Поведаю тайну – ее обещаю
Хранить. О супруга, рассказу внимай:
То место привычное знаешь ведь ты,
Где бьем мы, газеры, о камень холсты.
Вот там я сундук проплывавший в реке
Поймал и увидел дитя в сундуке.
Как только малютку увидишь сама,
Ты будешь, поверь, от него без ума.
Теперь уж погибшего сына грешно
Оплакивать нам. Видно, так суждено!
И сын тебе послан нежданно судьбой,
И клад, что заблещет сейчас пред тобой».

<...>

И стала жена за младенцем ходить,
Лелеять его, как родного растить.
День третий настал, и дитя нарекли
Дарабом – его ведь из волн извлекли.

(Фирдоуси. «Шахнаме». 4. 10817-10824, 10881-10984)

4.9. Дети царицы Канеса

Царица Канеса в один год родила тридцать сыновей. Царица сказала такое слово: «Что это могло бы значить, что за невидаль я родила?» Она наполнила горшки нечистотами и поместила своих сыновей внутрь этих горшков. А потом она пустила их плыть по реке. И река принесла их к морю страны Цальпы. Но боги взяли детей из моря и их вырастили.

5. Греческие мифы

5.1. Федра и Ипполит

Федра же, родив Тесею двух сыновей, Акаманта и Демофонта, влюбилась в сына амазонки Ипполита и предложила ему сойтись с ней; но Ипполит, ненавидевшей всех женщин, уклонился от этого. Тогда Федра, боясь, как бы он не рассказал обо всем своему отцу, выломала двери своего брачного покоя и порвала на себе одежду, после чего ложно обвинила Ипполита в попытке совершить над ней насилие. Тесей поверил в это и взмолился Посейдону, чтобы бог погубил Ипполита. Когда Ипполит ехал на колеснице и проезжал вдоль морского берега, Посейдон выслал из пучины быка. Перепуганные кони разбили колесницу, а запутавшегося в вожжах Ипполита потащили по земле, и он погиб. После того как тайна страсти Федры была раскрыта, она повесилась.

(Аполлодор, «Мифологическая библиотека», Эпитома 1.18-19)

5.2. Филонома и Тенес

Кикн, уже имея от Проклии, дочери Лаомедонта, сына Тенеса и дочь Гемитею, женился еще на Филономе, дочери Трагаса. Эта женщина влюбилась в Тенеса, но не смогла его соблазнить. Тогда она обратилась к Кикну и ложно обвинила Тенеса в том, что тот ее совратил, представив свидетелем преступления флейтиста по имени Эвмолп. Кикн поверил ей, заключил Тенеса вместе с его сестрой в ящик и бросил в море. Ящик выбросило волнами на остров Левкофрию. Выйдя наружу, Тенес поселился там и назвал остров по своему имени Тенедосом.

(Аполлодор, «Мифологическая библиотека», Эпитома 3.24-25)

5.3. Фрикс

Одни говорят, что Кретей, Афамант и многие другие были сыновьями Эола; некоторые уверяют также, что сыном Афаманта был Салмоней, внук Эола. У Кретея была жена Демодика, которую другие называют Биадика. Уязвленная красотой Фрикса, сына Афаманта, она воспылала к нему страстью, но не могла добиться, чтобы он уступил ее неразумному хотению. Поэтому необходимость вынудила ее обвинить Фрикса перед Кретеем в том, что он-де едва не сошелся с нею против ее воли, и присочинила вдобавок много такого, что в обычае у женщин. Кретей, разгневанный случившимся, как и подобает любящему супругу и царю, убедил Афаманта предать сына смерти. Но тут вмешалась Нефела и, унеся Фрикса и его сестру Геллу, посадила на овна и приказала бежать как можно дальше за Геллеспонт. Гелла упала в воду и

тем уплатила долг природе, и ее именем был назван Геллеспонт. Фрикс прибыл в Колхиду и, как мы сказали раньше, заколов овна, прибил золотое руно в храме. Самого же его Меркурий привел обратно к Афананту, и он доказал своему отцу, что он, оставаясь невиновным, принужден был бежать.

(Гигин, «Астрономия», 2.20.2).

5.4. Жена Прета и Беллерофонт

Беллерофонт, сын Главка и внук Сизифа, нечаянно убив своего брата Делиада (некоторые называют его Пиреном, другие же Алкименом), явился к Пройту для очищения от скверны. Сфенебея воспылала к нему страстью и прислала предложение с ней сойтись. Когда Беллерофонт отверг ее предложение, она заявила Пройту, что Беллерофонт передавал ей послание с целью ее соблазнить. Поверив ей, Пройт поручил Беллерофонту отнести к Иобату письмо, в котором содержался приказ убить Беллерофонта.

(Аполлодор, «Мифологическая библиотека», 2.3.1)

Главк даровал бытие непорочному Беллерофонту,
Коему щедрые боги красу и любезную доблесть
В дар ниспослали; но Прет неповинному гибель умыслил:
Злобно его из народа изгнал (повелитель ахейан
Был он сильнейший: под скипетр его покорил их Кронион).
С юношей Прета жена возжелала, Антия младая,
Тайной любви насладиться; но к ищущей был непреклонен,
Чувств благородных исполненный, Беллерофонт непорочный;
И жена, клеветца, говорила властителю Прету:
– Смерть тебе, Прет, когда сам не погубишь ты Беллерофонта:
Он насладиться любовью со мною хотел, с нехотящей. –
Так клеветала; разгневался царь, таковое услыша;
Но убить не решился: в душе он сего ужасался;
В Ликию выслал его и вручил злосоветные знаки,
Много на дщице складной начертав их, ему на погибель;
Дщицу же тестю велел показать, да от тестя погибнет.

(«Илиада» 6.155-170)

5.5. Пелей

Так как Фок отличался во всех состязаниях, его братья Пелей и Теламон составили против него заговор. Когда Теламону выпал жребий состязаться с Фоком, он метнул диск Фоку в голову и убил его. Затем он вместе с Пелеем отнес тело в лес и зако-

пал. Позднее, однако, убийство было раскрыто, и Эак изгнал их с острова Эгины. <...> Пелей бежал во Фтию к Эврителиону, сыну Актора, и был там очищен от скверны убийства. От него он получил в жены его дочь Антигону и третью часть царства. <...> Отправившись оттуда в Калидон для охоты на Калидонского вепря вместе с Эврителионом, он метнул копье в кабана, но попал в Эврителиона и нечаянно его убил. Поэтому он был вынужден вновь бежать и из Фтии прибыл в Иолк к Акасту, который очистил его от скверны. <...>

Астидамия, жена Акаста, влюбилась в Пелея и послала ему любовное предложение. Но она не смогла его соблазнить и тогда отправила жене Пелея сообщение, будто Пелей намеревается вступить в брак со Стеропой, дочерью Акаста. Поверив этому, жена Пелея повесилась. Астидамия оклеветала Пелея и перед Акастом, заявив, будто Пелей пытался соблазнить ее. Услышав это, Акаст не захотел убивать того, кого он только что очистил от скверны убийства, и взял Пелея с собой на охоту близ горы Пелиона. <...> Когда Пелей заснул у подножья Пелиона, Акаст, бросив его, ушел, предварительно спрятав меч Пелея в коровьем навозе. Проснувшись, Пелей увидел, что на него нападают кентавры, и стал искать свой меч. Он погиб бы, но его спас Хирон. Он отыскал также меч Пелея и отдал ему.

(Аполлодор, «Мифологическая библиотека» 3.13.3)

5.6. Эдип

Лаю, сыну Лабдака, было предсказано Аполлоном, чтобы он опасался смерти от руки своего сына. Поэтому когда его жена Иокаста, дочь Менекея, родила, он приказал выбросить ребенка. Перибей, жена царя Полиба, подобрала ребенка, когда стирала одежду в море. Поскольку у них с Полибом не было детей, они вместе воспитали его как своего, а так как у него были пробиты ноги, назвали Эдипом.

Когда Эдип, сын Лая и Иокасты, достиг зрелого возраста, он стал храбрее всех прочих, и ровесники из зависти стали обвинять его, что он приемыш у Полиба, потому что Полиб человек столь мягкий, а он дерзкий. Эдип почувствовал, что это не зря ставят ему в вину. Поэтому он отправился в Дельфы, чтобы узнать о своих родителях. Между тем Лаю знамения указали, что близка его смерть от руки сына. Когда он тоже направлялся в Дельфы, Эдип встретился ему на дороге и, когда стражники приказали ему дать дорогу царю, не обратил на это внимания. Царь подстегнул коней и наехал колесом ему на ногу. Разгневанный Эдип, не зная, что это его отец, вытащил его из колесницы и убил. После смерти Лая его царством стал править Креонт, сын Менекея. Между тем Сфинкс, дочь Тифона, появилась в Беотии и стала опустошать поля фиванцев. Она назначила царю Креонту такое состязание, что, если кто-нибудь истолкует песню, ко-

торуя она предложит, то она уйдет оттуда, а если не разгадает предложенной песни, то она сказала, что сожрет его и что никак иначе не оставит эту страну. Царь, услышав об этом, объявил по всей Греции, что тот, кто разгадает песню Сфинкс, получит от него царство и его сестру Иокасту в супруги. Многие, желая царства, приходили, и Сфинкс сожрала их, когда же Эдип, сын Лая, пришел и объяснил песню, она бросилась вниз. Эдип принял отцовское царство и взял в жены свою мать Иокасту, не зная этого, и произвел с ней на свет Этеокла, Полиника, Антигону и Исмену. Между тем в Фивах началось бесплодие и недостаток хлеба из-за преступлений Эдипа. Когда Тиресия спросили, что так опустошает Фивы, он ответил, что, если еще остался кто-нибудь из потомства зубов дракона, то, если он погибнет за родину, это освободит ее от болезни. Тогда Менекей, отец Иокасты, бросился вниз со стен города. Пока это происходило в Фивах, в Коринфе скончался Полиб. Услышав об этом, Эдип стал горевать, считая, что умер его отец. Тогда Перибее открыла ему, как подобрала его. Также и старик Менет, который унес его из Фив, по шрамам на ступнях и лодыжках признал в нем сына Лая. Эдип, услышав это и увидев, сколько нечестивых преступлений он совершил, вытащил из одежды матери заколки и лишил себя зрения. Передав царство сыновьям, чтобы они правили попеременно через год, он ушел из Фив, взяв себе поводырем свою дочь Антигону.

(Гигин, 66-67)

Несмотря на то, что бог устами оракула запретил Лаию иметь детей, ибо родившийся у него сын станет отцеубийцей, Лаий все же в состоянии опьянения сошелся с женой. Когда родилось дитя, он отдал его пастуху, чтобы тот его выбросил, проколов ему предварительно лодыжки пряжкой. Но пастух оставил ребенка на склонах Киферона, а пастухи Полиба, царя коринфян, подобрали дитя и принесли его к жене царя Перибее. Та, приняв ребенка, вылечила ему лодыжки и назвала Эдипом, дав ему это имя из-за распухших ног. Когда мальчик вырос, он выдавался среди сверстников своею силой; но однажды, позавидовав ему, они назвали его подкидышем. Тогда он стал расспрашивать Перибеею, но ничего не смог от нее узнать. Придя в Дельфы, он спросил оракул о том, кто его родители. Бог же ответил ему, чтобы он не возвращался на родину, ибо он убьет своего отца и женится на своей матери. Услышав это и считая своими родителями тех, которые воспитали его как сына, он оставил Коринф.

(Аполлодор, «Мифологическая библиотека». 3.5.7)

5.7. Феникс

Нет, мой возлюбленный сын, без тебя не могу, не желаю
Здесь оставаться, хотя бы сам бог обещал, всемогущий,
Старость совлекши, вновь возвратить мне цветущую младость:

ЕВРЕЙ ПРИ ДВОРЕ ФАРАОНА

Годы, как бросил Гелладу я, славную жен красотою,
Злобы отца избегая, Аминтора, грозного старца.
Гневался он на меня за пышноволосяную деву
Страстно он деву любил и жестоко бесславил супругу,
Матьер мою; а она, обнимая мне ноги, молила
С девою прежде почить, чтобы стал ненавистен ей старец.
Я покорился и сделал. Отец мой, то скоро приметив,
Начал меня проклинять, умоляя ужасных Эринний,
Ввек на колена свои да не примет он милого сына,
Мной порожденного: отчие клятвы исполнили боги,
Зевс подземный и чуждая жалости Персефония.
В гневе убить я отца изошренною медью решился;
Боги мой гнев укротили, представивши сердцу, какая
Будет в народе молва и какой мне позор в человеках,
Ежели отцеубийцей меня прозовут аргивяне!
Но от оной поры для меня уже стало несносно,
Близко отца раздраженного, в доме с тоскою скитаться.
Други, родные мои, неотступно меня окружая,
Силились общей мольбой удержать в отеческом доме.
Много и тучных овец и тяжелых волов круторогих
В доме зарезано; многие свиньи, блестящие туком,
По двору были простерты на яркий огонь обжигаться;
Много выпито было вина из кувшинов отцовских.
Девять ночей непрерывно они вокруг меня ночевали;
Стражу держали, сменяясь; целые ночи не гаснул
В доме огонь; один – под крыльцом на дворе крепкостенном,
И другой – в сенях, пред дверями моей почивальни.
Но, когда мне десятая темная ночь наступила,
Я у себя в почивальне искусно створявшиесь двери
Выломал, вышел и быстро чрез стену двора перепрыгнул,
Тайно от всех и домовых жен и мужей стерегущих.
После далеко бежал чрез обширные степи Геллады
И пришел я во Фтию, овец холмистую матьер,
Прямо к Пелею царю.

(Илиада 9.444-480)

5.8. Персей

Акрисий женился на Эвридике, дочери Лакедемона. От них родилась Даная. Когда Акрисий спросил дельфийский оракул, родится ли у него сын, дельфийский бог ответил, что у него самого не будет потомка мужского пола, но у дочери его родится сын, который лишит Акрисия жизни. Акрисий вернулся в Аргос и соорудил там под землей внутри ограды своего дворца медное помещение, в котором стал держать в заключении свою дочь Данаю вместе с кормилицей, чтобы та не родила сына. Но Зевс, влюбившись в деву, превратился в золотой дождь и протек через крышу. Даная приняла этот дождь в свое лоно, и Зевс, вернув себе свой облик, сошелся с ней. От этого союза родился сын Персей, и Даная вместе с кормилицей тайно от Акрисия вскормила его. Когда Персею исполнилось три или четыре года, Акрисий услышал голос игравшего мальчика. Он приказал слугам привести к нему Данаю вместе с кормилицей. Предав кормилицу смерти, он повел Данаю вместе с сыном к алтарю Зевса Оградного. Оставшись с ней наедине, Акрисий спросил ее, от кого у нее родился сын. Та ответила: «От Зевса». Но Акрисий не поверил ей и посадил в ящик вместе с сыном. Заколов его, он бросил ящик в море. После того как их долго носило по волнам, море прибило ящик к острову Серифу. Их вытащил Диктис, сын Перистена, ловивший сетью рыбу. Даная стала просить его открыть ящик. Тот открыл, и, узнав, кто они, привел их к себе домой, и стал о них заботиться, как о родных.

(Ферекид, цитата в схолиях к Аполлонию Родосскому)

5.9. Парис

Когда Приам, сын Лаомедонта, уже имел многочисленных детей от брака с Гекубой, дочь Киссея или Диманта, она, будучи беременной, увидела во сне, что она рождает горящий факел, из которого выползло множество змей. Все снотолкователи, когда им рассказали об этом видении, велели умертвить родившегося, чтобы он не послужил гибели отчизны. Когда Гекуба родила Александра, она отдала его, чтоб его убили, но стражники из жалости подкинули его. Пастухи, найдя его, воспитали как своего сына и назвали Парисом.

(Гигин, «Мифы», 91)

5.10. Крон и Зевс

Каждого Крон пожирал, лишь к нему попадал на колени Новорожденный младенец из матери чрева святого: Сильно боялся он, как бы из славных потомков Урана Царская власть над богами другому кому не досталась.

Знал он от Геи-Земли и от звездного Неба-Урана,
Что суждено ему свергнутым быть его собственным сыном,
Как он сам ни могуч – умышленьем великого Зевса.
Вечно на страже, ребенка, едва только на свет являлся,
Тотчас глотал он. А Рею брало неизбывное горе.

<...>

Быстрою, черною ночью сначала отправилась в Дикту
С новорожденным богиня и, на руки взявши младенца,
Скрыла в божественных недрах земли, в недоступной пещере,
На многолесной Эгейской горе, середь чащи тенистой.
Камень в пеленки большой завернув, подала его Рея
Мощному сыну Урана. И прежний богов повелитель
В руки завернутый камень схватил и в желудок отправил.

(Гесиод «Теогония», 459-467, 481-487)

5.11. Дионис

Семела, родившая сына от Зевса и уличенная Кадмом, была заключена в бочку вместе с Дионисом. Эта бочка была подхвачена волнами и, как говорят, была выброшена на эту землю; так как Семела не пережила уже всего этого, то они ее пышно похоронили, а Диониса, говорят, воспитали.

(Павсаний, «Описание Эллады» 3.24)

5.12. Гефест

Ею мне жизнь спасена, как страдал я, заброшенный с неба
Волею матери Геры: бесстыдная скрыть захотела
Сына хромого. Тогда потерпел бы я горе на сердце,
Если б Фетида меня с Эвриномой не приняли в недра,
Дщери младые катящегося вокруг Океана седого.
Там украшения разные девять годов я ковал им,
Кольца витые, застежки, уборы волос, ожерелья,
В мрачной глубокой пещере; кругом Океан предо мною
Пенный, ревущий бежал, неизмеримый; там ни единый
Житель меня олимпийский, ни муж земнородный не ведал.

(«Илиада» 18.395-404)

6. Рим, древняя Испания, средневековая латинская литература

6.1. Ромул и Рем

Потом царствовал Прока. От него родились Нумитор и Амулий; Нумитору, старшему, отец завещал старинное царство рода Сильвиев. Но сила одержала верх над отцовской волей и над уважением к старшинству: оттеснив брата, воцарился Амулий. К преступлению прибавляя преступление, он истребил мужское потомство брата, а дочь его, Рею Сильвию, под почетным предлогом – избрав в весталки – обрек на вечное девство. <...> Весталка сделалась жертвой насилия и родила двойню, отцом же объявила Марса – то ли веря в это сама, то ли потому, что прегрешенье, виновник которому бог, – меньшее бесчестье. Однако ни боги, ни люди не защитили ни ее самое, ни ее потомство от царской жестокости. Жрица в оковах была отдана под стражу, детей царь приказал бросить в реку. Но Тибр как раз волей богов разлился, покрыв берега стоячими водами, – нигде нельзя было подойти к руслу реки, и тем, кто принес детей, оставалось надеяться, что младенцы утонут, хотя бы и в тихих водах. И вот, кое-как исполнив царское поручение, они оставляют детей в ближайшей заводи – там, где теперь Руминальская смоковница (раньше, говорят, она называлась Ромуловой). Пустынны и безлюдны были тогда эти места. Рассказывают, что, когда вода схлынула, оставив лоток с детьми на суше, волчица с соседних холмов, бежавшая к водопою, повернула на детский плач. Пригнувшись к младенцам, она дала им свои сосцы и была до того ласкова, что стала облизывать детей языком; так и нашел ее смотритель царских стад, звавшийся, по преданию, Фавстулом. Он принес детей к себе и передал на воспитание своей жене Ларенции.

(Тит Ливий, I 3.10-4.7)

6.2. Габид

Лесистую область тартессиев, где, по преданию, титаны вели войну с богами, заселили куреты. Их древнейший царь Гаргорис первый открыл способ собирания меда. Когда у него родился внук от преступной связи его дочери, он, из стыда перед позором, хотел разными способами уничтожить младенца. Однако, несмотря на множество злоключений, [ребенка] хранила судьба, и в конце концов он после многих тяжелых испытаний достиг царской власти. Прежде всего, когда дед приказал его выбросить, а через несколько дней послал разыскивать его труп, оказалось, что его кормили своим молоком разные дикие звери. После этого дед приказал взятого домой ребенка бросить на узкую тропинку, по которой обычно проходил крупный скот. Дед

был так жесток, что предпочел, чтобы ребенка растоптал скот, чем просто его убить. А когда и здесь он остался невредимым и не страдал от недостатка в пище, [Гаргорис] приказал бросить его сначала в пищу голодным собакам, которых долго мучили, не давая им есть, а затем – свиньям. Но так как и те и другие не только не причинили ему вреда, но некоторые из них даже кормили его своими сосцами, Гаргорис приказал наконец бросить ребенка в океан. И тогда дитя, явным образом по воле некоего божества, среди бурлящих и сталкивающихся валов, было вынесено тихой волной на берег, как будто его несло на себе не морское течение, а корабль. Спустя короткое время появилась самка оленя, которая подставила младенцу свои сосцы. Постоянно следуя за такой кормилицей, мальчик научился бегать невероятно быстро; он долгое время странствовал с оленьими стадами по горам и лесистым склонам, не уступая им в резвости. В конце концов его поймали арканом и привели в дар царю. Гаргорис признал в нем внука благодаря сходству в чертах [лица] и знакам на теле, которые были выжжены, когда тот был еще младенцем. Изумленный избавлением внука от стольких бедствий и опасностей, царь назначил его своим преемником.

(Юстин, Эпитома Помпея Трога, 44.4)

6.3. О дивном божественном воздаянии и о происхождении блаженного папы Григория

...сын его [кесаря Марка] начал разумнейшее свое царствование, и сестру свою он держал во всяческой чести. Дивным образом возлюбил он ее так, что по всяк день между знатнейших мужей, собранных в застолье, она восседала на седалище напротив него, и ела вместе с ним, и почивала с ним в одном покое на отъединенных ложах.

И случилось некоторой ночью, что обуяло его тяжкое искушение, и возмнилось ему, что вот испустит он дух, ежели не сможет утолить похоть свою с сестрою своею. Встал он с ложа, направился он к сестре, обрел ее спящею и пробудил ее. <...>

И возлег он с нею, а по совершении сего воротился на ложе свое. <...>

<...> Когда же настал срок родин, разрешилась госпожа прекраснейшим сыном.

<...> Принес он [воин] своими руками бочку в покои госпожи, а она положивши должным образом младенца в колыбель, начертала на малых дщицах таковые слова: «Любезнейшие мои, да будет вам ведомо, что младенец сей не крещен, ибо родился он от брата и сестры; посему окрестите его во имя божие, а в изголовье его отыщете вы золото, чтобы вскормить его, и в изножье отыщете серебро, чтобы обучить его.» И написавши сие, дщицы она положила в колыбель обок с мальчиком, а золото в изголовье, а серебро в изножье, колыбель же окутала тканями шелковыми и золочеными. Сделав это, повелела она воину колыбель опустить в бочку, а бочку пустить в море, чтобы плыть ей, куда господь бог предусмотрит.

7. Африканские сказки

7.1.

Однажды дети одного человека пошли охотиться; между ними была разница в летах. Они нашли старые горшки, множество, составлявшие длинный ряд. Старший испугался горшка, младший перевернул его. Он перевернул их все, под конец вышла старушка. Сказала она старшему:

– Проводи меня.

Он отказался. Сказала она младшему:

– Проводи меня.

Младший согласился. Старший последовал. Они шли, шли, пока не пришли в страну, где было дерево со скотом; они несли топор. Сказала старуха младшему:

– Руби это дерево.

Он порубил, и вышел бык; он порубил, и вышло множество скота; затем вышел баран; затем вышла коза; затем вышел белый вол.

Старушка осталась там. Они пошли оба, погоняя скот, идя со своими собаками, с которыми они охотились. И шли они, высохшей страной, без воды. Наконец они поднялись к краю расщелины и сказал старший:

– Обвяжи меня веревкой, чтобы я пошел напиться воды в расщелине, ибо нет спуска к этому месту.

И он обвязал его. И спускал его. Наконец он его опустил; тот пил, пил и удовлетворил себя; младший вытащил его.

Сказал младший:

– И меня обвяжи веревкой, чтобы я мог напиться.

И тот обвязал его. Наконец тот опустил его и оставил там.

(Начало зулусской сказки «Два брата»)

7.2.

У одного человека было три сына: первого звали Андриаматуа, второго Андрианеву, а третьего Андриампарани. Двое старших были разумные и послушные: что им родители ни скажут, все сделают. А последний, Фаралахи, – упрямый и непокорный. Однажды родители послали сыновей вскопать поле. Андриаматуа и Андрианеву тут же пошли, а Фаралахи и не подумал.

– Не хочу идти, – сказал он. – Я сначала поиграю.

Он часто так отговаривался, когда отец велел ему что-нибудь сделать. В один прекрасный день родители и старшие братья вышли из терпения.

(Начало мадагаскарской сказки «Бесурунгула»)

7.3.

Жили, говорят, муле с женой, у которых было три сына. Первые два – красивые, стройные, а третий – урод-чудище: без туловища, без рук, без ног – одна голова. Голова ела и разговаривала. Звали ее Ратауландахамивулана.

Однажды два старших сына решили идти счастье искать. Они попросили у родителей разрешения, и те отпустили их. Но младший сын тоже стал проситься вместе с братьями:

– Мы не хотим брать тебя с собой, – говорили старшие. – Как же ты пойдешь без ног? Только мешать нам будешь.

(Начало мадагаскарской сказки «Ратауландахамивулана»)

7.4.

Жили в давние времена три брата; младшего звали Раманунгавату – Тот, кто ворочает камни, а еще Ифаралахимахери – Младший сын-силач. Однажды братья услышали про девушку удивительной красоты по имени Иранунамеццуецу, и все трое захотели на ней жениться. Иранунамеццуецу была дочерью Ициваланурану, андриамбахуаки подземного царства; всех мужчин, которые спускались в его владения, андриамбахуака убивал и из их голов складывал стену. Но три брата не испугались и решили попытаться счастья. Чтобы попасть в царство Ициваланурану, надо было спуститься в глубокую-глубокую дыру. Братья нарезали лиан и стали их связывать. Когда получилась веревка такой длины, какой было нужно, они опустили ее в дыру, хорошенько закрепили у входа и старший полез вниз. Он спустился глубоко-глубоко и остановился отдохнуть. Сколько он ни смотрел по сторонам, вокруг все было черно – рядом с ним, наверху, внизу. Нигде не слышалось ни звука. Ему стало казаться, что в темноте к нему подкрадываются какие-то страшные звери, которых он никогда раньше не видел. Его вдруг охватил страх; он сказал себе, что не хочет расставаться с жизнью, и начал карабкаться вверх так быстро, как только мог. Вслед за первым спустился второй брат, но тоже испугался и вернулся назад.

– Теперь моя очередь, – сказал младший, – но я вернусь, только когда доберусь до конца веревки.

Он заскользил вниз и, в самом деле, остановился, только очутившись в подземном царстве.

<...>

Прошло немного времени, Раманунгавату объявил, что возвращается в свою страну и забирает с собой жену, людей и все богатства. Он приказал людям идти вперед, а сам остался сзади, чтобы идти последним. Старшие братья Раманунгавату, увидав, что из глубокой дыры выходят толпы людей, неся много разного добра, спросили, что это

значит. Люди ответили, что они принадлежат Раманунгавату и несут его добро, а сам он поднимается последним, позади всех. Тогда старшие решили подождать у выхода из дыры, сказав, что они хотят встретить дорогого Фаралахи. Увидев, что Раманунгавату остался один, они перерезали лианы, по которым он поднимался. Младший брат-силач упал на дно глубокой дыры и разбился насмерть. А старшие взяли его жену со всем добром и стали править его людьми.

(Начало мадагаскарской сказки «Раманунгавату»)

7.5. Сикулуми сын Хлокохлоко

Рассказывают был один вождь; он породил множество сыновей. Но он не любил рождения сыновей, ибо он говорил, случится, если сыновья будут взрослыми, случится, что они отнимут у него его власть. Были такие старухи, поставленные убивать сыновей того вождя; когда он порождал дитя мужского пола, оно относилось к старухам, чтобы они его убивали; они тут же его убивали. Они делали так со всеми детьми мужского пола, порожденными тем вождем.

Случилось однажды породил он другого сына; его мать снесла его под мышкой старухам. Она одарила старуху она страшно молила их, чтобы они не убили его, а снесли его к брату его матери, ибо это был сын, которого она сильно любила. И его мать щедро одарила старух, она велела им вскормить его. Они вскормили его, они снесли его к брату матери мальчика и устроили его там у брата матери. Бывало с ним, когда он сделался юношей, любил он пасти скот брата своей матери; он следовал за мальчиками брата своей матери; они почитали его, они возвеличивали его. – Случилось во время их пастьбы сказал он мальчикам: соберите большие камни, раскалим их. Они собрали их, они сделали из них кучу. – Сказал он: выберите хорошего теленка, зарежем его. Они выбрали его из стада, которое они пасли. Он велел им освежевать его; они его освежевали, они зажарили его мясо радуясь. – Сказали мальчики: зачем ты делаешь это. – Сказал он: я знаю, что я делаю.

Случилось на другой день они пасли скот и шли военачальники его отца, посланные им; спросили они: кто ты такой - Он им не ответил. Они взяли его, не сомневаясь, они думали: это дитя похоже на нашего вождя. Они пошли с ним и снесли его к его отцу. Случилось по их приходе к его отцу, сказали они его отцу: если мы тебе расскажем хорошее происшествие, что ты нам дашь? – Сказал его отец военачальникам: я вам дам быков по цвету, вот такого цвета и такого, и такого. – Военачальники отвергли, сказали они: нет мы не желаем их. Было такое стадо черных быков, на которое они намекнули. – Спросил он что вы хотите? – Ответили военачальники: стадо черных. Он им дал их. И рассказали они ему, сказали они: случилось во время нашего похода увидели мы дитя схожее с твоим. – Тут его отец увидел, что этот юноша действительно

но его; спросил он: от какой он жены? – Ответили они, знавшие про него, что она его скрыла, – сказали, они: от такой-то жены твоей вождь.

Во гневе он собрал племя и велел убрать мальчика подальше. Собралось племя; пришла его мать со своей сестрой. Приказал он, чтобы они его отправили, пошли поместили его подальше в большой лес. Ибо было ведомо, что там, в том лесу, был такой большой многоголовый зверь, о котором рассказывалось, что он ест людей.

Они пошли туда. Многие не достигли леса, они были утомлены и вернулись обратно. Пошла его мать и сестра ее и сын, их трое. – Сказала его мать: я не могу оставить его на открытом месте, я пойду, я помещу его туда в то место, куда приказано итти. Они пошли к большому лесу: они подошли, они вошли в лес. Они поместили его на большом камне посреди леса. Мальчик уселся там. Они оставили его и вернулись обратно. Он оставался один наверху камня. Случилось однажды пришел многоголовый зверь, он появился из воды. Этот зверь владел там всеми вещами. Он взял того юношу, не убил его, взял его и давал ему пищу, пока он не оправился. Случилось, когда он оправился и не нуждался ни в чем, имел многочисленное племя, данное ему Этим многоголовым зверем, ибо это чудовище владело всеми вещами и пищей, и людьми, он захотел пойти к своему отцу. Он пошел с большим племенем, будучи вождем.

Он пошел к брату своей матери; он пришел к брату своей матери, только брат его матери не узнавал его. Он вошел в дом, только люди брата его матери не узнали его. Его военачальник пошел спросить быка у брата его матери; – сказал он: говорит Сикулуми сын Хлокохлоко, дай ему хорошего быка для еды. – Брат его матери услышал это имя Сикулуми сын Хлокохлоко, он удивился и спросил: кто такой? – Ответил военачальник: вождь. Брат его матери вышел посмотреть на него. Он увидел, что это был Сикулуми сын Хлокохлоко. – Он страшно обрадовался; вскричал он: йи, йи, йи! подняв шум от радости, сказал он: пришел Сикулуми сын Хлокохлоко! Собралось все племя брата его матери. – Брат его матери, от большой радости дал ему часть быков; сказал он: вот твои быки. Было сделано великое пиршество; они ели, они радовались, ибо видели его, ибо они не знали, что они снова увидят его. Он пошел дальше, пошел к людям своего отца. Они увидели, что это был Сикулуми сын Хлокохлоко. – Они донесли о нем его отцу; сказали они: вот он твой сын, которого ты отослал в большой лес. Вождь сильно встревожился. Он созвал все племя; он приказал, чтобы принесли свое оружие. Собрались все его люди. – Приказал его отец: пусть будет убит Сикулуми сын Хлокохлоко. Это услышал Сикулуми сын Хлокохлоко и вышел наружу. Собралось все племя. – Приказал его отец: пусть он будет поражен копьями. – Стоял на открытом месте и говорил Сикулуми сын Хлокохлоко: мечите в меня копья без смятенья. – Он говорил так, ибо был уверен, что не умрет, хотя бы они метали в него копья долго, хотя бы до захода солнца, что не умрет. Так стоял он пока не зашло солнце. Они метали в него копья, не имея силы убить его. Ибо он обладал

силой чтобы не умирать; ибо зверь сделал его стойким, ибо он знал, что Сикулуми пойдет к своим; он знал, что его отец не хочет сына; он знал, что они будут убивать Сикулуми сына Хлокохлоко; он сделал его стойким.

Они были бессильны метать в него копья. – Спросил Сикулуми: вы обессилены? – Ответили они: мы обессилены. Он взял копье, он поразил всех; они все умерли. Он захватил скот. Он отправился со своим войском из этой страны со всем скотом. И мать его пошла с ним, и сестра ее с ним – вождем.

(Зулуская сказка)

8. Русские и карельские сказки

8.1

В это время один царь велел отвесить лобное место и на том месте поставить двенадцать венцов и кликать клич: кто перескочит на коне все двенадцать венцов, тот получит в жены прекрасную царевну. Стали собираться короли и королевичи, цари и царевичи и сильные, могучие богатыри; поехали и братья Иванушки-дурачка. «Братцы, возьмите и меня с собою!» – сказал Иванушка-дурачок. «Куда тебя, дурака, нелегкая несет!» – закричали братья. – Оставайся дома да лежи на печи».

(А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, № 564)

8.2

Жили-были старик со старухой. У них три сына. Младший из них был тухкимус. Его звали Иваном. Старшие – два умника брата – собирались на сенокос. Иван попросился с ними. Другие говорят: «Уйдем тайком, не возьмем Ивана».

Жили-были старик и старуха. У них было три сына. Один был Тухкамурмичча. Он все время лежал на печи. Братья собираются на пир к царю. Тухкамурмичча тоже просится. Братья говорят ему: «Ты лежи на печке, не возьмем тебя людей смешить и себя срамить».

(Карельские сказки, цит. по:

Е. М. Мелетинский. «Герой волшебной сказки», М – СПб, 2005, с. 186)

8.3

В некотором царстве, в некотором государстве жил-был царь; у него было три сына: Дмитрий, Иван и Василий царевичи. Отец у них ослеп и говорил своим сыновьям: «Дети мои возлюбленные! Сходите к Соньке-богатырке за живой водой и мертвую –

мне глаза лечить». Старший и середний сыновья пошли доставать живой и мертвой воды, а младший сын дома остался. Отец долго ждал своих старших сыновей, но никак не мог дожждаться и стал говорить младшему: «Сын мой любезный! Я теперь стал стар и слеп, а твоих братьев никак не могу дожждаться». То младший сын Василий-царевич стал говорить отцу: «Батюшка! Благослови меня, я пойду братьев искать». Отвечал на то царь: «Нет, друг мой, ты еще молод; да притом же с кем я останусь? Всех я распустил, только ты один у меня остался». – «Ну, батюшка, хоть благословишь, хоть нет, а я всячески пойду». Отец благословил его, и он отправился во путь-дороженьку отыскивать своих братьев.

(А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, № 177)

8.4

Царь второго сына отправил, чтоб яблоко и воды ему доставил. Он держал тот же путь и напал на ту же участь, как и старший его брат. От долгого жданья сыновьев царь больно-больно загоревался.

Младший сын начал просить у отца позволения ехать в тот сад; а отец ни за что не хочет его отпустить и говорит ему: «Горе тебе, сынок! Когда старшие братья пропали, а ты молод, как вьюноша, ты скорее их пропадешь». Но он умоляет, отцу обещает, что он постарается для отца лучше всякого молодца. Отец думал-думал и благословил его на ту же дорогу.

<Герой спасает братьев, добывает молодильное яблоко, едет обратно.>

Удалец наш приезжает в свою землю, видит – братья его, бродяги, в поле спят. Он пустил своего коня, не стал их будить, сам лег около и уснул. Братья проснулись, увидели, что брат их воротился в свою землю, легонько вынули у него сонного из пазухи молодильное яблоко, а его взяли да и бросили в пропасть. Он летел туда три дня, упал в подземельное темное царство, где люди всё делают с огнем.

(А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, № 171)

8.5

Димитрий и Василий царевичи начали иметь злобу на меньшего своего брата Ивана-царевича, что ему удалось выдернуть у жар-птицы из хвоста перо; взяли они у отца своего благословение и поехали двое отыскивать жар-птицу. А Иван-царевич также начал у родителя своего просить на то благословения. Царь Выслав сказал ему:

– Сын мой любезный, чадо моё милое! Ты ещё молод и к такому дальнему и трудному пути непривычен; зачем тебе от меня отлучаться? Ведь братья твои и так поехали.

Ну, ежели и ты от меня уедешь, и вы все трое долго не возвратитесь? Я уже при старости и хожу под богом; ежели во время отлучки вашей господь бог отымет мою жизнь, то кто вместо меня будет управлять моим царством? Тогда может сделаться бунт или несогласие между нашим народом, а унять будет некому; или неприятель под наши области подступит, а управлять войсками нашими будет некому.

Однако сколько царь Выслав ни старался удерживать Ивана-царевича, но никак не мог не отпустить его, по его неотступной просьбе. Иван-царевич взял у родителя своего благословение, выбрал себе коня и поехал в путь, и ехал, сам не зная, куды едет.

(А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, № 168)

8.6

В некотором царстве жил богатый купец; помер купец и оставил трёх сыновей на возрасте. Старшие два каждый день ходили охотничать. В одно время выпросили они у матери и младшего брата, Ивана, на охоту, завели его в дремучий лес и оставили там – с тем чтобы всё отцовское имение разделить меж собой на две части, а его лишить наследства.

(А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, № 209)

8.7

Жили себе дед да баба, был у них сын. Старик-то был бедный; хотелось ему отдать сына в науку, чтоб смолоду был родителям своим на утеху, под старость на перемену, а по смерти на помин души; да что станешь делать, коли достатку нет! Водил он его, водил по городам – авось возьмет кто в ученье; нет, никто не взялся учить без денег. Воротился старик домой, поплакал-поплакал с бабою, потужил-погоревал о своей бедности и опять повел сына в город. Только пришли они в город, попадается им навстречу человек и спрашивает деда: «Что, старичок, пригорюнился?» – «Как мне не пригорюниться! – сказал дед. – Вот водил-водил сына, никто не берет без денег в науку, а денег нетути!» – «Ну так отдай его мне, – говорит встречный, – я его в три года выучу всем хитростям. А через три года, в этот самый день, в этот самый час, приходи за сыном; да смотри: коли не просрочишь – придешь вовремя да узнаешь своего сына – возьмишь его назад; а коли нет, так оставаться ему у меня». Дед так обрадовался, и не спросил: кто такой встречный, где живет и чему учить станет малого? Отдал ему сына и пошел домой. Пришел домой в радости, рассказал обо всем бабе; а встречный-то был колдун.

(А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, № 249).

8.8

В некотором царстве жила-была старуха бедная, неимущая. Был у нее сын, захотелось ей отдать сына в такую науку, чтоб можно было ничего не работатъ, сладко есть и пить и чисто ходить. Только кого ни спросит – все над ней со смеху помирают: «Хоть весь свет изойди, – говорят люди, – а такой науки нигде не найдешь!» А старухе все неймется, продала свою избушку и говорит сыну: «Собирайся в путь, пойдем искать легкого хлеба!» Вот и пошли. Близко ли, далеко ли – пришли к могиле. Уморилась, старуха с походу. «Сядем на могилу, отдохнем маленько», – говорит сыну; стала садиться да с устали и воздохнула: «Ох!» Вдруг откуда нэ взялся – явился старец и спрашивает: «Чего тебе надобно? Зачем позвала?» Старуха переполошилась: «Что ты, что ты! – говорит. – Я тебя совсем не звала». – «Ну, нет! Ты кликнула: «Ох!» Я – самый Ох и есть; сказывай, в чем нужда?» Сколько старуха ни отговаривалась, не могла отговориться, принуждена была признаться: веду-де сына в науку отдавать, чтобы знал легкий хлеб добывать, без работы сладко есть и пить и чисто ходить. «Отдай мне, я выучу, – сказал Ох, – только, чур, с уговором: ровно через семь лет приходи сюда и скажи: «Ох!» – я сейчас выйду, покажу тебе сына, и коли узнаешь его – бери с собой смело, и за учење не возьму с тебя ни копейки; а коли до трех раз не узнаешь – пусть будет мой навсегда!»

(А. Н. Афанасьев. Народные русские сказки, № 251)

9. Индейские мифы и сказки

9.1-4. Сказки о мачехе или жене старшего брата

9.1

В сказке ассинибойнов мачеха послала пасынка (сына другой жены ее мужа) за хвостом. Юноша ранил в лесу куропатку. Мачеха, схватив еще живую птицу, прижала ее к своему телу так, что та оцарапала ее когтями. Мачеха пожаловалась мужу, что ее сын хотел ее соблазнить. Отец отвез сына на необитаемый остров, где того ждала голодная смерть. Юноша спасся, надев крылья чайки, защитил свою мать от отца и солнцем сжег его.

9.2

В варианте дакота жена старшего брата, попытавшись соблазнить юношу, клеветает на него, жалуется мужу. Тот пытается известить младшего брата. Юношу отвозят на необитаемый остров, но морское чудовище спасает героя и дает ему в жены своих дочерей.

9.3

В сказке билокси жена дяди обвинила племянника в попытке соблазнить ее. Дядя дает племяннику трудные задачи, желая его известить, а затем возит на остров.

9.4

В варианте арапахо жена брата в отсутствие мужа трижды пытается соблазнить деверя, но тот отталкивает соблазнительницу со словами: «Я люблю брата и не имею права делать это». Она сталкивает юношу в яму, откуда его вытаскивает волк. Звери съедают женщину.

(Е. М. Мелетинский. «Герой волшебной сказки», М – СПб, 2005, с. 177-178)

9.5. Миф индейцев бороро о разорителе гнезд

В стародавние времена пошли женщины в лес, собирать пальмы для приготовления «ба» – чехла на penis, который вручали подросткам при инициациях. Один юноша тайком последовал за матерью, свалил ее и изнасиловал.

Когда она вернулась, ее муж заметил, что к поясу жены прилипли перья, подобные тем, которыми украшают себя юноши. Заподозрив неладное, он велел всем танцевать, чтобы посмотреть, у кого из молодых людей есть в украшении такие перья. И к своему великому изумлению обнаружил, что такие перья имеются только у его сына. Он потребовал повторить танец, но увидел то же, что и в первый раз.

Убедившись в своем несчастье и желая отомстить, обманутый муж послал сына в «гнездо» духов за большой танцевальной погремушкой (бапо), которую он пожелал иметь. Юноша советуется с бабушкой, и она объясняет ему, какая смертельная опасность подстерегает его в «гнезде» духов. Бабушка советует внуку заручиться помощью колибри.

Когда юноша, сопровождаемый колибри, добирается до водного обиталища духов, он остается ждать на берегу, а колибри летит к погремушке и перегрызает веревочку, на которой та висит: погремушка падает в воду и издает звук «йо!». Потрясенные

шумом духи пускают в ход стрелы. Но колибри летит так быстро, что благополучно достигает берега вместе с украденной вещью.

Тогда отец приказывает сыну принести маленькую погремушку духов, и история повторяется, с теми же деталями, только помогает юноше на этот раз йурити. голубь, известный быстрым полетом <...>. В ходе третьем экспедиции юноша добывает бютторе. Это – что-то вроде колокольчиков, сделанных из копыт казету (*Dicotyles lorquatus*) и связанных веревочкой: такие колокольчики носят на лодыжках. Помогает ему насекомое из семейства саранчевых <...>, которое летает медленнее, чем птица, так что стрелы многократно ранят его, но не убивают.

Придя и ярость оттого, что задуманное не удалось, отец приглашает сына поохотиться с ним на ара, которые гнездились на утесе. Бабушка не знала, как помочь в этой новой беде, но дала внуку волшебную палочку: в случае падения можно было держаться за нее.

дай его мне, – говорит встречный, – я его в три года выучу всем хитростям. А через три года, в этот самый день, в этот самый час, приходи за сыном; да смотри: коли не просрочишь – придешь вовремя да узнаешь своего сына – возьмешь его назад; а коли нет, так оставаться ему у меня». Дед так обрадовался, и не спросил: кто такой встречный, где живет и чему учить станет малого? Отдал ему сына и пошел домой. Пришел домой в радости, рассказал обо всем бабе; а встречный-то был колдун.

(А. Н. АУ подножия утеса отец устанавливает длинный шест и приказывает сыну лезть по нему. Едва юноша достиг высоты гнезд, как отец повалил шест, но в последний момент сын успевает воткнуть палочку в расщелину утеса и, повиснув в пустоте, зовет на помощь, а отец уходит.

Юноша замечает рядом с собой лиану. Он цепляется за нее и с трудом взбирается на вершину, а затем, отдохнув немного, принимается за поиски пищи. Сделав лук и стрелы из веток, он охотится на ящериц, которые в изобилии водятся на плато. Избыток добычи он привязывает к поясу и к повязкам из хлопка, стягивающим его руки и лодыжки. Но убитые ящерицы портятся и воняют так сильно, что юноша теряет сознание. Грифы-стервятники <...>слетаются на трупный запах и пожирают сначала ящериц, а потом вырывают куски из тела юноши, начав с ягодиц. Придя в себя от боли, наш герой прогоняет стервятников, но остается без полностью отъетых ягодиц. Однако насытившись, птицы спасают его: они подхватывают юношу клювами за пояс и повязки на руках и ногах, взлетают и тихо кладут его у подножия горы. Герой приходит в себя, «словно пробудившись от сна».

(К. Леви-Строс. «Сырое и приготовленное», М 1)

9.6. Миф о Вороне у индейцев-тлинкитов

У истоков реки Насс живет старый вождь – Ворон Насшакиель <...> У него имеются сестра, жена и двое мудрых слуг, которые всячески оберегают его жену. Когда старый вождь находится в отлучке, он помещает жену в ящик, а ящик вешает под потолок; если она взглянет на мужчину, то пестрые птицы, находящиеся у нее под мышками, покинут ее и тем самым дадут нужный знак мужу. Ревнивый старый вождь из страха возможной любовной связи жены с его племянниками убивает всех сыновей, которых рождает его сестра. После гибели последнего сына сестра старого вождя встречается на берегу духа или незнакомца, который большей частью отождествляется с касаткой, реже с цаплей. По его совету она проглатывает камешек и рождает неувязимого <...> сына Иеля. <...>

Мать делает сыну лук и стрелы, и он становится искусным охотником. Однажды он убивает двух птиц – «небесную» (остроклювую – может быть, шилоклювку или вальдшнепа, бекаса) и водоплавающую (утку). Надевая шкуру первой, он может летать, надевая шкуру второй, его мать может плавать. Решив отомстить дяде, старому Ворону, Иель в отсутствие дяди проникает к его жене и вступает с нею в любовную связь. Увидев улетевших от жены пестрых птиц, старый вождь узнает истину и пытается известить племянника. Он дает ему губительные трудные задачи: свалить дерево, в котором заключен острый обсидиан, влезть в расщепленный ствол, из которого старый вождь делает лодку (ствол закрывается над юношей), принять участие в рыбной ловле, во время которой дядя сталкивает его за борт. Проявляя ловкость и магическую силу, юноша остается невредим. Тогда старый вождь устраивает потоп в своем жилище, которое является одновременно и вселенной. Иель спасается в шкурке небесной птицы и висит некоторое время, воткнув клюв в небесную твердь, а мать его плавает в шкурке водоплавающей птицы. Когда вода начинает спадать, Иель садится на водоросли или холмик, находящийся посреди воды (начало земли). Сюжет в некоторых вариантах завершается упоминанием о начале культурных подвигов Иеля, уничтожении чудовищ и т. п...

(Е. М. Мелетинский. «Палеоазиатский мифологический эпос». М., 1979. С. 121-123)

ДЛЯ ЗАМЕТОК

אשכולות
КУЛЬТУРНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ПРОЕКТ
ЭШКОЛОТ
www.eshkolot.ru

при поддержке
אבי צחי

GENESIS
Philanthropy Group